

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Исторический факультет

Кафедра современной отечественной истории и историографии

Демьянов Кирилл Владимирович

**ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ГОРОДОВ И УЛИЦ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ:
ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ**

Выпускная квалификационная работа

Направление подготовки – 46.03.01 «История» (уровень бакалавриата)

Научный руководитель:
д.и.н., профессор В.Г. Рыженко

Омск

2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1. «Топонимическая революция» в отечественной традиции номинации (1917–1927 гг.).....	20
1.1. Периодизация как элемент концептуализации	20
1.2. «Топонимическая революция»: слом традиции номинации.....	24
Глава 2. «Культурная топонимика»: хронологические рамки и особенности..	35
2.1. «Культы личности» в советской топонимике 1930-х гг.....	35
2.2. Переименования городов и улиц как инструмент нациостроительства	47
Глава 3. «Мемориальная топонимика» 1950-х – 1990-х гг.	61
3.1. «Мемориальный поворот»: от политической борьбы к политике памяти	61
3.2. Переименования периода «перестройки»: конец советской топонимики?.....	74
Заключение	94
Список использованных источников и литературы.....	97

Введение

Актуальность. Современный человек каждый день сталкивается с окружающими его образами прошлого. Вполне обыденным для него является взаимодействие с исторической памятью, выраженной в различных категориях, наиболее распространенными из которых являются географические названия. Горожанин, перемещаясь по городским улицам, находится в рамках четкой, структурированной системы смысловых координат, наполненной символами и именами о событиях и деятелях прошлого. При этом городские именованья нередко подвергаются пересмотру, вносятся новые имена, исчезают старые. В советскую эпоху сформировалась особая практика переименования городов и улиц, основанная на иных, чем в другие эпохи, принципах и преследующая новые цели. Именно в это время возник феномен массового переименования, являющийся результатом воздействия идеологии на общество.

Тема переименований сохраняется в наши дни, и нередко становится предметом горячих споров и обсуждений. Зачастую они сводятся к необходимости возвращения дореволюционных названий или недопустимости изменений советских названий, воспринимаемых в обществе как достижения революционных, боевых и трудовых подвигов народа. Подобный дискурс свойственен и для других стран бывшего социалистического блока. Примечательны последние события, к примеру, переименование столицы Казахстана города Астана в Нур-Султан¹, что лишний раз подчеркивает актуальность темы, избранной для исследования.

При этом идеологизированность является основой этих обсуждений, когда как историческая значимость того или иного названия, его восприятие как памятника своей эпохи, как продукта деятельности человеческой

¹ Столицу Казахстана переименовали в Нурсултан // Новые известия [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/news/world/20-03-2019/stolitsu-kazahstana-astanu-pereimenovali-v-nursultan> (дата обращения: 20.06.2019).

психики зачастую отходят на второй план. Изучение переименований в советскую эпоху позволит выявить идейные установки, свойственные сознанию человека того времени, определить степень их влияния на формирование окружающего его мира, в том числе и на локальном уровне. Обращение к практике переименований также приближает нас к обозначению круга ценностей, характерного для того времени, со всей его сложной и многозначной структурой. Не только в виде партийных лозунгов, но и в результате их освоения и отражения в общественном сознании. Это открывает возможности для рассмотрения истории переименований в контексте советской идеологии и политического мировоззрения советского человека.

Степень изученности проблемы. Научное изучение топонимики как самостоятельного направления началось еще в советскую эпоху. Она рассматривалась как дисциплина на стыке трех наук: языкознания, истории и географии. Стоит отметить, что для этих исследований был свойственен комплексный подход, при котором топонимика рассматривалась как целостный объект. Среди наиболее выдающихся исследований этого жанра выделим работы географа Э.М. Мурзаева, лингвистов В.А. Никонова, А.В. Суперанской¹.

Историческая проблематика топонимики, если и затрагивалась, то только относительно дореволюционных географических названий. Первой заметной попыткой в этом направлении является работа Степана Борисовича Веселовского, русского и советского историка-археографа, профессора МГУ и академика (с 1946 г.) «Топонимика на службе у истории», изданную в сборнике «Исторические записки» под редакцией Б.Д. Грекова в 1945 г.² В этой статье Веселовский постарался отразить возможности топонимики как

¹ Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Издательство «Мысль», 1974; Мурзаев Э.М. Топонимика и география. М.: Наука, 1995; Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965; Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985.

² Веселовский С.Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки / Ин-т истории Акад. Наук СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 17 / отв. ред. Б.Д. Греков. 1945. С. 24–52.

источника по изучению истории феодальной Руси. Эта работа является классической для исторической топонимики.

Однако формирование направления, занимающегося изучением советской топонимики, происходит только в период «перестройки» и ко времени распада СССР. Наиболее значимыми работами являются труды В.П. Нерознака¹ и Д.С. Лихачева². В связи с актуализацией истории в целом, деидеологизации гуманитарной мысли, начавшимся осмыслением советского периода как завершившегося исторического этапа, открылись и новые возможности для изучения топонимики.

По сути, в изучении советской топонимики можно выделить только один этап, начавшийся с 1991 г. и продолжающийся по сей день. Заложенные в начале постсоветской эпохи подходы к проблеме, комплекс источников и даже стиль изложения остаются неизменными на протяжении последних десятилетий.

Советский период в истории отечественной топонимики привлекает исследователей как время экстраординарное, наполненное неподдающимся счету количеством переименований «старых» дореволюционных названий и их дальнейшему пересмотру в это же время в зависимости от политической конъюнктуры. Данное обстоятельство явилось определяющим для формирования основного подхода к изучению советской топонимики в 1990-е – 2010-е гг.

Этот подход заключается в априорном осуждении советской политики по переименованию географических объектов. Также он сочетается с исполнением так называемой «социальной функции» историка, многие авторы говорят о необходимости возвращения «старых» названий, апелляции к названиям дореволюционным, как «историческим», в отличие от

¹ Нерознак В.П. Названия древнерусских городов / Отв. ред. акад. Д.С. Лихачев. М.: Наука, 1983.

² Лихачев Д.С. Исторические названия – наследие духовной культуры народа // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры». 17-20 апреля 1989 г.: Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1989. С. 3–4.

идеологизированной, конъюнктурной и насажденной сверху советской топонимики.

При этом такой жестко оценочный, субъективный взгляд на предмет, шел рука об руку с продуктивной работой по поиску источников и сбору данных. Условно, можно выделить два направления изучения советской топонимики, связанных с научной специализацией исследователей. Первое направление воплощает собой фигура известного топонимиста и картографа Евгения Михайловича Поспелова, как представителя географического подхода. Второе направление в изучении советской топонимики, чисто историческое, олицетворяет Валерий Павлович Андреев, профессор ТГУ.

Е.М. Поспелов активно занимался изучением топонимики как географ и картограф и в советский период, но в начале 1990-х гг. стал проводить исследования историко-топонимической направленности. В частности, он инициировал выпуск сборника статей под названием «Топонимика и межнациональные отношения», а также разработал и издал историко-топонимический словарь «Имена городов: вчера и сегодня (1917 – 1992)»¹. Этот словарь, по сути, представляет собой издание справочного характера, где содержится информация о переименовании всех городских и значительного количества сельских населенных пунктов на территории СССР. Исследование строится на основе многочисленных региональных топонимических словарей, информация из которых была обработана Поспеловым и представлена в качестве цельного издания. Тем не менее, автор во вступительной статье излагает свою точку зрения на процесс переименования, решительно его осуждает, и высказывается о необходимости реставрации старых названий. В связи с актуальностью словарей Поспелова эта не особо маскируемая антисоветская позиция кочует из работы в работу, придавая многим современным исследованиям детерминированный характер. Стоит отметить и то, что в 2000-е гг. Поспелов

¹ Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917 – 1992): топонимический словарь. М., 1993.

издал еще несколько словарей подобного характера, где такой грубой антисоветской риторики уже не наблюдается¹. Однако, издание новых книг производилось по принципу дополнения старых материалами по физическим географическим объектам: горы, реки и т.п., а старые тексты про города просто скопированы, как и редкие ошибки, содержащиеся в них.

Сходную точку зрения с Е.М. Поспеловым высказывал В.П. Андреев. Он также выступил с негативных позиций по отношению к деятельности советской власти по переименованию городов и улиц, говорит о ней как о национальной катастрофе, утрате исконно исторических названий. В отличие от Поспелова, Андреев провел исторический анализ процесса переименований на протяжении всей советской эпохи, выделил различные группы топонимов и вынес на суд «советский канцелярский бюрократический» подход, который же и осудил. При этом, будучи специалистом по истории городов Западной Сибири в первые десятилетия советской власти, Андреев являлся одним из немногих историков, кто провел обобщающее исследование советской топонимики. Андреев выпустил две небольшие работы по данной тематике: статью, описывающую процессы в советской топонимике довоенного периода и учебное пособие для студентов исторического факультета Томского университета². Свое исследование Андреев строит на основе литературы, в частности использовал упомянутый словарь Поспелова в качестве эмпирической базы. Он, также как и Поспелов, сделал акцент на политической составляющей переименований. В качестве основной движущей силы всех изменений на карте страны представлена власть, которая стремилась насадить свою идеологию и «разорвать с прошлым».

¹ Поспелов Е.М.. Географические названия России: топонимический словарь. М., 2008; Он же. Географические названия Московской области: топонимический словарь. М., 2008.

² Андреев В.П. Российская топонимия XX века и политика: учебно-методическое пособие. Томск, 2005. 46 с.; Он же. Топонимика и идеология в Советской России (1917 – 1941) // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы II Всероссийской научно-практической Интернет-конференции. Вып. 2: в 2 кн. Кн. 1. Красноярск, 2006. С. 6–22.

Советские названия в такой трактовке не имеют права на жизнь, должны быть неизменно ликвидированы. Право существования признается только за дореволюционными топонимами. Само отношение к географическим названиям сугубо антикварное, они важны для исследователей как некие сакральные объекты. Топонимика не проблематизируется, слабо представлена мотивация того или иного переименования, не учитывается социальная, общекультурная ситуация. Подобный подход сохраняется даже в новейших работах. К примеру, к огульной критике всего советского сводился общий пафос большинства статей из раздела «Судьбы топонимика в XX в. Влияние политики...» сборника докладов конференции «Городская топонимика России как объект культурного наследия: истории и судьбы топонимика городов и современные проблемы возвращения исторических названий», прошедшей в июне 2018 г. в Москве¹.

Безусловно, власть является основным актором в деле топонимических преобразований, она инициировала этот процесс, и имеет юридические права на его реализацию. Однако проблемы восприятия гражданами «топонимических революций», влияние переименований на сознание человека и выработку его идентичности как «советского человека» исследователями игнорируются.

Этот подход отчасти сохраняется и в современных работах историков по исторической топонимике. Исследователи больше склонны к тому, чтобы давать моральную оценку переименованиям или к характеристике деталей самого процесса переименования, нежели к рассмотрению его в проблемном аспекте. Тем не менее, значительно расширяется источниковая база. Привлекается законодательство, делопроизводственная документация государственных учреждений, что позволяет раскрыть процесс

¹ Городская топонимика России как объект культурного наследия: история и судьбы топонимика городов и современные проблемы возвращения исторических названий: Мат-лы Всерос. краеведческой науч.-практ. конф. (Москва-Звенигород, Московская обл., 22-23 июня 2018 г.). М.: ИЦ «Краеведение», 2019. С. 108–170.

переименований, увидеть проблемы, с которыми сталкивалась власть при их осуществлении. В качестве примера отметим статью Виталия Николаевича Маслова (Балтийский федеральный университет им. И. Канта) «Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году»¹. Маслов провел анализ переименований городов Восточной Пруссии на примере деятельности высших органов власти, указал на то, какими принципами они руководствовались, и какими методами осуществлялось массовое переименование.

Однако подобный ракурс рассмотрения свойственен далеко не всем современным исследованиям, посвященным исторической топонимике. Топонимика активно изучается и в смежных гуманитарных и социальных науках. В частности, большинство современных исследований по топонимике проводятся лингвистами, этнологами и социологами. В этнологических и этнолингвистических исследованиях географические названия используются для выявления этнических процессов на территории того или иного отдельно взятого региона.

Огромное значение для распространения знаний о топонимике сыграли достаточно активно издаваемые с начала XXI в. справочники улиц города и так называемые «истории улиц». Подобные издания встречаются буквально в каждом крупном городе, и зачастую, помимо бережно собранного и обработанного эмпирического материала содержат сдержанные и взвешенные оценки топонимических процессов в отдельно взятом городе. В качестве примера образцовых работ двух разных типов приведем «Историю названия томских улиц»² и «Улицы города Омска: Справочник»³. Второе из упомянутых изданий представляет собой полноценный справочник, содержащий информацию обо всех решениях о переименовании омских

¹ Маслов В.Н. Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 12. С. 58–69.

² История названий томских улиц. Издание третье, дополненное. Томск, 2012.

³ Улицы города Омска: Справочник. 2-е изд., испр. и доп. Омск, 2008.

улиц, и основанный на документах фондов Исторического архива Омской области.

Проблематика переименования улиц традиционно считается сферой деятельности краеведения или локальной истории. Однако эта тема становится популярной не только среди историков, но и социологов. Евгений Андреевич Терентьев, сотрудник Центра социологии высшего образования НИУ ВШЭ, провел подробный аналитический обзор топонимических практик как объекта социологических исследований в зарубежной социологии¹. Он выделяет два подхода в топонимических исследованиях: культурологический и критический. Культурологический подход предполагает изучение названий улиц как культурных артефактов, объектом исследования служат сами названия как явление. Критический подход предполагает изучение топонимов как формы выражения идеологии, а объектом исследования в данном случае является практика наименования – переименования улиц и её проблематизация. Методологическая база критического подхода строится на трех основаниях: теория «социального пространства», теория коллективной памяти и теория идеологии. Терентьев опирается на теоретические концепции таких зарубежных авторов как П. Бурдьё, Л. Альтюссер, А. Лефевра, М. де Серто и других.

Подходы таких известных ученых как М. Хальбвакс, Э. Хобсбаум, П. Нора легли в основу изучения топонимических преобразований в рамках *memory studies*. К представителям этого направления стоит отнести А.В. Дахина², М.Ю. Немцева³ и работы множества других исследователей исторической памяти, тем или иным образом затрагивающих тему

¹ Терентьев Е.А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник РУДН, серия Социология, 2014, №3. С. 73–86.

² Дахин А.В. Город как место памятования // Аналитика культурологии. №19. 2011. С. 164–172.

³ Немцев М.Ю. О неизменности топонимики постсоветского Новосибирска // Историческая разметка пространства и времени: материалы семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 года / Волгогр. гос. ун-т, Фил. зарегистр. союза «Фонд Фридриха Эберта» (Германия) в Рос. Федерации ; под ред. д-ра ист. наук, проф. И. И. Куриллы ; авт. предисл. И. И. Куриллы. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. С. 68.

топонимики. Для данного направления характерно рассмотрение топонимики в контексте формирования коллективной памяти и его пребывании в городском пространстве. При этом названия, данные в советскую эпоху, рассматриваются уже как часть современного общества, изучается трансформация их восприятия и заложенных в них смыслов.

Подводя итог всему выше сказанному, отметим, что советская топонимика, и в частности, проблема массовых идеологических переименований вызывают интерес у историков, однако их выводы зачастую игнорируют контекст эпохи, изменчивость советской действительности. В связи с этим необходимо рассмотреть данную проблему в исторической ретроспективе, дать характеристику особенностей изучаемого явления.

Инкорпорирование советской топонимики в контекст идеологии требует привлечения уже разработанных и апробированных концепций. В связи с этим, в работе были использованы концепции американских советологов Д. Бранденбергера¹, Т. Мартина², Р. Суни³, российских исследователей О.В. Хлевнюка⁴, П.К. Варнавского⁵.

Объект – географические названия (они же топонимы) СССР

Предмет – переименования городов и улиц в советскую эпоху

Цель – выделить отдельные этапы истории переименования городов и улиц в советскую эпоху на основе особенностей принципов именования в разные десятилетия

Задачи:

- 1) дать характеристику топонимическим преобразованиям первых лет после установления советской власти

¹ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017.

² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

³ Суни Р.Г. Сталин и сталинизм: власть и авторитет в Советском Союзе, 1930–1953 // Политическая наука современной России: Тенденции развития: Пробл.-темат. сб. М., 2000. №1.

⁴ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

⁵ Варнавский П.К. Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // Ab Imperio. 2004. №4. С. 239–262.

- 2) определить роль переименований городов и улиц в идеологической политике 1930-х – 1950-х гг.
- 3) выявить изменения в государственной политике переименований городов и улиц в 1950-е – 1980-е гг.
- 4) рассмотреть инициативы переименований городских названий в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в контексте политических явлений периода «перестройки»

Хронологические рамки исследования включают в себя время существования советской власти, традиционно обозначаемого как период 1917–1991 гг., включая Советскую Россию (1917–1922 гг.) и СССР (1922–1991 гг.). **Территориальные рамки** исследования ограничиваются границами существования этого государственного образования в разные периоды его истории.

Источниковая база исследования состоит из комплекса источников разных видов, на основании чего они были разделены на несколько групп. *Законодательные акты*, опубликованные в различных изданиях, позволяют в точности установить дату того или иного переименования. Помимо этого, законодательные акты содержат нормы, устанавливающие порядок регулирования переименований в стране, а также задают импульс для подобных изменений. Наиболее ярким примером является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г. «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям»¹. Согласно Указу было запрещено наименование в честь ныне живущих партийных или государственных деятелей. Также были использованы другие различные

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г. «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. №28, ст. 662.

постановления и декреты, издаваемые советскими органами власти¹. Всего было выявлено 5 законодательных актов за весь период советской истории, регламентирующих деятельность государственных органов по выработке решений о переименовании и наименовании городов.

Для того, чтобы выяснить процесс выработки решения о переименовании того или иного объекта, необходимо обращение к *делопроизводственной документации*. Документы центральных органов власти, таких как Политбюро ЦК ВКП (б), хранятся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории. Фонд Политбюро оцифрован и размещен на официальном сайте межархивного проекта «Документы советской эпохи»². В документах партийных органов вопросы переименования затрагивались крайне редко, но было обнаружено два дела³, позволяющих раскрыть механизмы выработки решений о переименовании в 1930-е гг.

Для анализа топонимических преобразований на локальном уровне, в частности рассмотрение наименования и переименования улиц города Омска осуществлено на основе документов Управления коммунальных предприятий и благоустройства при горисполкоме, хранящиеся в фондах Исторического архива Омской области⁴. Всего выявлено 10 дел объемом от 8 до 69 листов, прямо или косвенно относящихся к теме. Наиболее отчетливо деятельность по наименованию и переименованию улиц сосредоточилась в Управлении только с начала 1970-х гг., до этого времени она была рассредоточена по районным исполкомам.

¹ Декреты Советской власти. В 18 т. Т. 1 (25.10.1917 – 16.03.1918). М., 1957. 626 с.; Т. 2 (17.03 – 10.07.1918). М., 1959. 686 с.; Т. 3 (11.07. – 09.11.1918). М., 1964. 665 с.

² Документы советской эпохи [Электронный ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#main> (дата обращения: 20.06.2019).

³ О порядке присвоения имен городам, районам, селам и пр. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 877. Л. 2; Записка Сталина Старостину по поводу присвоения имени Сталина метрополитену // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1472. Л. 34.

⁴ ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 476, 545, 576.

Чтобы понять логику и мотивацию того или иного переименования будет недостаточно обращения исключительно к готовым решениям. Переименования улиц далеко не всегда инициировали сами власти. Нередко в качестве проводников таких изменений выступали сами граждане. Их воля отражалась в качестве предложений, поступавших в редакции наиболее известной газеты города или области. Поэтому неизбежным в данном случае становится обращение к *периодической печати*. В исследовании привлечены газеты «Вечерний Новосибирск» за период 1987–1991 гг. (осуществлен фронтальный просмотр, выявлено 83 газетных публикации, относящихся к теме), а также «Вечерний Омск» и «Омская правда» за 1989 г. для сравнительного анализа. Газетные публикации можно условно разделить на аналитические материалы и письма в газету. Необходимо учитывать, что редакция публикует далеко не все поступающие к ним обращения, и её выбор, в итоге, во многом формирует общественную повестку.

Газета «Вечерний Новосибирск» начала выпускаться в 1957 г. как печатный орган горкома КПСС и городского совета¹. Постепенно, к 1980-м гг. это ежедневное издание превратилось в главную городскую общественную площадку. Именно в «Вечерке» публиковались и обсуждались все важнейшие новости из жизни города, размещались различные статьи и материалы, политические программы депутатов и прочее. Функцию общественной площадки в Омске выполняли сразу две газеты: «Вечерний Омск», газета горкома/горсовета и «Омская правда», принадлежащая областным структурам. Дело в том, что газета «Вечерний Омск» была основана значительно позже, чем её аналог в Новосибирске – только в 1979 г. «Омская правда» же параллельно выполняла функции неформальной городской газеты. Ко времени «перестройки» эти функции постепенно перешли к «Вечернему Омску», и в период «гласности» раскрылись наиболее полно.

¹ Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. С. 146.

Поскольку исследование выполнено на основе рассмотрения советских топонимических практик как составной части конструируемой большевиками идеологии, обязательным становится обращение к *трудам идеологов*. В работе использованы произведения В.И. Ленина¹ и И.В. Сталина², что позволило приблизиться к пониманию логики и мотивации большевистских лидеров. Для более углубленного анализа переименований улиц в рамках ленинского плана монументальной пропаганды привлечены мемуары А.В. Луначарского³.

Методология. Сложившаяся в историографии ситуация, когда все разнообразие причин, вызывавших процесс крупномасштабных переименований по всей стране, сводится к волюнтаризму большевиков, очевидно, требует ревизии. Такое стереотипное и упрощенное восприятие советского общества, характерное для постсоветского периода, не позволяет понять и объяснить столь сложные рассматриваемые в исследовании явления.

Своеобразной попыткой выхода из этой ситуации выглядит активно развивающееся направление *memory studies*, упоминавшееся выше в историографическом обзоре. Однако для предлагаемого исследования мы были вынуждены отказаться от подходов данного направления. Его специфика сосредоточена на способах конструирования прошлого, на что далеко не всегда была обращена советская идеология, с её пафосом устремленности в будущее и акцентом на построении нового мира. Топонимические практики, в свою очередь, являлись частью этой идеологической системы. Долгое время в Советском Союзе сохранялась практика присваивания имен в честь живых политических лидеров.

¹ Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6. С. 1–192.

² Сталин И.В. Год великого перелома: к XII годовщине Октября // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 118–135; Сталин И.В. Политика советской власти по национальному вопросу в России (1918) // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937.

³ Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968.

Для понимания причин массовых переименований городов и улиц в Советском Союзе, необходимо попытаться проникнуть вглубь эпохи и понять логику акторов, определить преследуемые ими цели и направленность подобной политики. Поэтому более предпочтительным нам представляется рассмотрение советских топонимических практик в контексте функционирования советской идеологии, быстро трансформирующейся и видоизменяющейся вслед за политическим курсом партии.

При этом важно помнить, что более семи десятилетий советской истории нельзя воспринимать как нечто гомогенное, не подвергающееся изменениям. С течением времени происходят неизбежные изменения, и подходы большевистских руководителей к номинации не могли быть абсолютно одинаковыми на протяжении всей советской истории. Для отслеживания этих изменений в работе был использован *метод периодизации*. Безусловно, данный метод является общенаучным, но его использование в исторических исследованиях имеет свою специфику. В 1§ главы I эти моменты будут освещены более подробно.

В основе исследования лежит сочетание *макро-* и *микроисторического подходов*. Это позволит рассмотреть топонимические трансформации на различных уровнях, поскольку в советскую эпоху было переименовано буквально все: от улиц до государства в целом. Обращение к микро-уровню, в свою очередь, позволит рассмотреть реализацию этих общих тенденций, заданных сверху в отдельно взятом локальном культурном пространстве города, с учетом его местной специфики.

Однако в данной работе для анализа привлечены только названия городов и улиц. Безусловно, важнее значение имеют названия сельских населенных пунктов, как минимум из-за их количества. Но они не отражают общих тенденций развития советской топонимики, и большинство переименований сельских населенных пунктов происходит достаточно

поздно¹. Не затронуты и названия предприятий, поскольку они уже не являются частью топонимии, несмотря на их идеологизацию. Названия городских населенных пунктов же всегда наносятся на карту, что выступает средством трансляции и конструирования ценностей.

Так как в качестве основного источника в исследовании были рассмотрены географические названия, а точнее их изменение во времени, вызванное разными факторами, нами была использована такая разновидность метода терминологического анализа как *топонимический анализ*. Любые географические названия обусловлены исторически и несут отпечаток своего времени. Они могут сами выступать в качестве источника, отражающего особенности мировоззрения людей своей эпохи, а также их исторических представлений.

Также был использован *метод ретроспекции*, применение которого в данном конкретном исследовании заключается в последовательном движении от следствия, т.е. самого факта переименования того или иного географического объекта, к причинам, приведшим к этому событию. Для этого необходимо привлечение комплекса источников, отражающих специфику мировосприятия людей изучаемой эпохи и её трансформацию во времени.

Среди прочих, использован традиционный для исторической науки *историко-сравнительный метод*. В частности, его применение позволит выяснить, как осуществлялась политика переименования в разных регионах страны, а также выявить особенности этого процесса в союзных республиках. Также был применен такой метод общенаучного познания как *типология*, для выявления круга фигур, формирующих своеобразный идеологический пантеон, ставший основой для присвоения названий городов и улиц.

¹ См. об этом: Мазур Л.Н. История XX века в названиях населенных мест (по материалам Урала) // Уральский исторический вестник. 2011. №2 (31). С. 116–123.

Наконец, необходимо дать трактовку основных понятий, использованных в работе. Идеология, краеугольный камень исследования, рассматривается в смысле политической идеологии. В свою очередь, *политическая идеология* обозначает набор идей, принципов, приоритетов и дискурсов, которые служат ориентиром в процессе принятия решений, легитимируют власть и организацию управления и помогают в формировании господствующей культуры и обычаев¹. Довольно часто в работе встречается такой довольно слабо разработанный и мало распространенный в литературе термин, как *топонимические практики*. В определение топонимических практик входит широкий спектр явлений в области топонимики, обозначающий способы её конструирования. Например, к топонимическим практикам можно отнести переименование городов и улиц, сельских населенных пунктов. Причем как идеологизированных, так и исходящих из других соображений. Также к подобным практикам относится номинация вновь образованных населенных пунктов и прочих географических объектов. Еще один термин, *традиция номинации*, по сути, является калькой понятия «система наименования». Под традицией номинации понимается совокупность топонимических практик и принципы наименования, характерных для общества в данный конкретный период.

Использование в исследовании географической терминологии требует соответствующего разъяснения. Распространенный в разных социально-гуманитарных науках термин *топонимика* обозначает как название дисциплины, изучающей географические названия – *топонимы*. Однако в данной работе, в соответствии с историографической традицией это понятие также используется как обозначение совокупности топонимов, что синонимично термину *топонимия*. Применительно к анализу

¹ Цит. по: Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. С. 15.

переименований в пространстве города использован соответствующий термин, обозначающий городские названия – *урбанонимы*.

Новизна исследования заключается в рассмотрении проблемы массовых переименований и топонимической политики советского государства как явления исторического, изменяющегося в контексте развития советской идеологии.

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Исследование разделено на главы в соответствии с выделяемыми нами условными хронологическими отрезками – *этапами*, в процессе переименования географических названий.

Глава 1. «Топонимическая революция» в отечественной традиции номинации (1917–1927 гг.)

1.1. Периодизация как элемент концептуализации

Прежде чем непосредственно приступить к изложению фактического материала, связанного с массовыми переименованиями городов и улиц в советскую эпоху, необходимо задать теоретические рамки исследования и заранее обговорить ряд моментов, связанных с нашим пониманием развития советского общества.

Также стоит отметить, что периодизация является всего лишь инструментом исследования и не заменяет собой живой ткани общественной жизни. Выявление познавательных ограничений предлагаемой периодизации в данном исследовании является одним из его основных пунктов, что подробнее будет освещено в выводах к каждой главе и в заключении.

Метод периодизации позволит выявить этапы – временные отрезки, отражающие качественные особенности рассматриваемого в исследовании явления¹. Выделение отдельных этапов развития топонимических практик в советском обществе дает возможность определить их сущностные отличия между ними, понять, как менялась логика инициаторов и исполнителей переименований в разные периоды советской истории.

Подобные попытки уже имели место быть в отечественной историографии. Учебное пособие «Российская топонимия XX века и политика», выпущенное в 2005 г. томским историком В.П. Андреевым оказало существенное влияние на исследователей советской топонимики². Структура пособия представляет собой деление на темы, каждая из которых

¹ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 382.

² Андреев В.П. Российская топонимия XX века и политика: учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета. Томск, 2005.

освещает тот или иной период развития российской топонимии в XX в. Для наиболее полного представления приведем эту периодизацию полностью.

Периодизация по В.П. Андрееву: 1) Российская топонимика начала XX века; 2) Топонимика и идеология в Советской России (1917 – 1927 гг.); 3) Урбанизация 1930-х гг. и культовая топонимика; 4) Послевоенный период (геополитика); 5) Топонимическая практика второй половины 1950-х – середины 1980-х гг.; 6) Период «радикальных перемен» (середина 1980-х – 1990-е гг.).

Данная периодизация составлена в соответствии с традиционной схемой развития советского общества, деления его на период революции и НЭПа, сталинского режима (с подразделением на довоенную и послевоенную части), «оттепели», «застоя» и «перестройки». Подобный подход, хотя и учитывает контекст эпохи, оставляет без внимания внутренние сущностные особенности развития советских топонимических практик.

Помимо этого, стоит привести еще несколько критических замечаний к данной периодизации. Во-первых, наш взгляд, автор попытался поместить целый спектр явлений в один небольшой период, упуская сущностные их особенности, а менее масштабные по преобразованиям периоды чересчур раздробил. Во-вторых, что менее субъективно, в периодизации Андреева нет четких границ отдельных периодов, равно как и обоснования хронологических рамок. Наконец, и что наиболее важно, данная периодизация не имеет четкого критерия. Незаявленный, но подразумеваемый автором «политический» критерий рушится, когда он выделяет «урбанизацию 1930-х гг.» в отдельный период. Судя по всему, В.П. Андреев не придавал особого значения строгости построения, используя метод периодизации лишь как способ систематизации эмпирического материала.

Вопрос о критерии имеет особое значение, поскольку помимо выполнения чисто методологической функции, его выделение позволит

выявить динамику изменения топонимических практик на протяжении всего советского этапа отечественной истории. Для того чтобы определить причины возникновения такого феномена как массовое переименование и ответить на извечный для историка вопрос – «почему?», необходимо попытаться понять логику акторов и инициаторов этих трансформаций. Осуществление этого возможно только при четком осознании того факта, что политика большевиков в сфере топонимики не была однообразной в разные периоды советской истории, преследовала разные цели и имела различные мотивы.

Таким образом, для составления периодизации необходимо использование критерия, который также позволил бы обосновать четкие границы между периодами. В данном случае в качестве критерия мы выделяем качественные изменения в непрерывном процессе изменения названия городов и улиц в советском обществе, выражающиеся в смене *целей* и *принципов* переименований. Обоснование хронологических рамок и границ будет дано в соответствующих главах.

Однако прежде необходимо оговорить нижнюю границу. Безусловно, одновременно с Октябрьским переворотом не произошло кардинальной трансформации, равно как и не были переименованы все города и улицы. Но стоит учитывать, что именно с 1917 г. и установления власти большевистского правительства были сформированы условия, в которых в дальнейшем протекали эти процессы. Важно не столько определить четкий водораздел между дореволюционным и советским периодами по части топонимических практик, сколько показать их различие.

Широко известно, что политические или же идеологические переименования проводились в России и до Революции. Наиболее тиражируемый факт – смена названия Санкт-Петербург на Петроград в 1914 г. после начала войны с Германской империей. По этой причине переименовывались другие города с «немецкими» названиями, к примеру,

Екатериненштадт, немецкая колония в Поволжье, названный в честь Екатерины II, стал Екатериноградом. Сама императрица также инициировала переименование из идеологических соображений. Река Яик и Яицкий городок после восстания Е. Пугачева получили названия Урал и Уральск соответственно.

Однако политически мотивированные переименования дореволюционного периода отличаются рядом черт от советской практики. Эти акции носили эпизодический характер, и четко зависели от конкретных политических событий, которые вынуждали монархов «корректировать» карту империи. Имперские чиновники активно конструировали топонимическое пространство, пытаясь тем самым унифицировать империю, однако это относится только к образованию новых населенных пунктов. Переименования не имели системного характера, и оставались единичными казусами вплоть до 1917 г. Для советской культуры более характерно переименование старых поселений. Поэтому говорить о преемственности между имперской и советской традициями номинации не представляется возможным.

Такая формулировка темы как «Переименования городов и улиц в советскую эпоху» также требует отдельного пояснения, а именно определение «советской эпохи». Чисто формально, этим словосочетанием можно обозначить период 1917–1993 гг., с момента провозглашения власти советов на II Всероссийском съезде советов и до прекращения действия полномочий Верховного совета Российской Федерации в 1993 г. Однако в определение «советская эпоха» в данном случае вкладывается не юридически-формальное содержание, а обозначение этапа в жизни российского общества, ассоциирующегося с существованием СССР и социалистическим строем. Поэтому верхняя граница данного исследования обозначается как 1991 г. С распадом Советского Союза происходит крах

советской идентичности (в её масштабном проявлении), а собственно и советский период отечественной истории.

Наконец, стоит более подробно оговорить применение такого понятия как «идеология» в данном исследовании. Помимо представленной в методологической части введения трактовки, необходимо отметить то, как сами большевики понимали идеологию. Типичным для политических и философских словарей советской эпохи является определение, которое трактует идеологию как форму общественного сознания, совокупность определенных взглядов, идей и представлений¹. В соответствии с ленинской работой «Что делать?» (1902) признавался классовый характер любой идеологии, будь то буржуазная или социалистическая². Открыто объявлялось, что идеология является оружием Коммунистической партии в социалистическом преобразовании общества, служащим выражением неодолимых потребностей исторического развития в эпоху гибели капитализма³. Таким образом, советское понятие идеологии в свою очередь также было идеологизированным, и отвечало текущим политическим задачам. Большевики сами рассматривали свою идеологическую политику как *оружие* в борьбе за социализм.

1.2. «Топонимическая революция»: слом традиции номинации

Происхождение термина «топонимическая революция» достоверно неизвестно. Уже в 1990-е гг. он достаточно прочно вошел в публицистику, научную и научно-популярную литературу. Первоначально термин носил сугубо отрицательную коннотацию, и подчеркивал деструктивное

¹ Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М., 1939.

² Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6. С. 1–192.

³ Краткий философский словарь / Под редакцией М. Розенталя и П. Юдина. 4-е изд., доп. и испр. М., 1954.

воздействие советской власти на топонимику. Дореволюционные названия признавались «историческими» и «исконными», легитимными по сравнению с советскими «идеологическими» и «искусственными» топонимами. Подобная риторика, свойственная для историографии первого постсоветского десятилетия, не может в современных реалиях признаваться в качестве научного подхода. Однако подобное отношение к топонимике сохраняется в многочисленных работах современных авторов¹, а также является определяющим для деятельности ряда общественных организаций².

На наш взгляд, необходимо переосмысление места советского периода в развитии отечественной культуры, и в сфере исторической топонимики в частности, где однобокий взгляд на проблему сохраняется наиболее выражено. Советская традиция номинации заслуживает особого внимания исследователя, поскольку именно она определила облик современных городов, их культурное пространство по-прежнему наполнено советскими символами. Это явление есть неотъемлемая часть развития российского общества.

В этой связи понятие «топонимическая революция» приобретает особое значение, поскольку именно с ним связано рождение советской традиции номинации и заложенных в нее принципов. Этот термин используют в современных СМИ как универсальный, обозначающий любое одновременное массовое переименование. В данной работе понятие используется исключительно применительно к начальному периоду советской власти. Под «топонимической революцией» понимается не просто одномоментное переименование, а кардинальный слом в традиции номинации географических объектов, господствующей в обществе. Одной из

¹ К примеру: Топонимика: историческая память и пропаганда [Электронный ресурс]. URL: <https://istpamyat.ru/doklady/toponimika-istoricheskaya-pamyat-i-propaganda/> (дата обращения: 17.06.2019).

² Наиболее ярким представителем которых является фонд «Возрождение». См.: Фонд «Возрождение» [электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/GbxGB> (дата обращения: 16.06.2019).

важнейших характерных черт советской традиции является установление монополии на номинацию со стороны власти¹.

Очевидно, что придя к власти в октябре 1917 г. большевики не сразу начали радикальное переименование всех городов и улиц Российской республики. В условиях разрастающейся гражданской войны советская власть, безусловно, имела целый ряд проблем, ставивших под вопрос её собственное существование. Однако, даже находясь в подобной ситуации, большевики придавали огромное значение идеологии и её мобилизационному воздействию на массы.

Воспринимая себя в качестве носителей традиций Великой Французской революции, руководители молодого государства предприняли ряд мер, символически выражающий революционный характер новой власти. В том числе, 24 января (6 февраля) 1918 г. был принят декрет «о введении западноевропейского календаря», согласно которому в Российской республике осуществлялся переход на григорианский календарь².

В апреле 1918 г. был принят известный декрет «О памятниках Республики»³. В содержании декрета говорилось о необходимости сноса памятников царям и их слугам, а также выработки проектов памятников, «долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции». Помимо этого, пятый пункт декрета содержал следующее постановление: «Той же комиссии (по сносу и установке памятников – прим.) поручается спешно подготовить декорирование города (имеется в виду Москва – прим.) в день 1 мая и замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т.п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России»⁴.

¹ До революции многие названия присваивались горожанами, что в литературе называют «естественным путем», «традиционно», а после утверждались управами и другими органами власти. Центральная власть редко вмешивалась в номинацию, ограничиваясь важнейшими для себя объектами.

² Декреты Советской власти. Т. 1 (25.10.1917–16.03.1918). М., 1957. С. 404.

³ Декреты Советской власти. Т. 2 (17.03.1918–10.07.1918). М., 1959. С. 95.

⁴ Там же.

Этот декрет являлся важнейшей частью ленинского плана монументальной пропаганды, мобилизационной концепции использования искусства как средства агитации. Названия улиц, в данном случае, рассматривались в качестве элемента городского пространства, оказывающего воздействие на сознание населения наряду с эмблемами и надписями. Начиная именно с декрета «О памятниках Республики» символике и топонимике придавалось достаточно определяющее значение в деле пропаганды социалистической идеологии. Данная характеристика в итоге стала родовой чертой советской традиции номинации.

Помимо этого, определенное воздействие на развитие советской топонимики доказал еще один аспект, связанный с декретом «О памятниках Республики». А.В. Луначарский писал, что при обсуждении с В.И. Лениным плана монументальной пропаганды последний говорил о необходимости «составить список тех предшественников социализма или его теоретиков и борцов, а также светочей философской мысли, науки, искусства и т.п., которые хотя и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры»¹. Подобный список был вскоре опубликован в «Известиях ВЦИК», он содержал более 50 фамилий по категориям, обозначенных Лениным в упомянутой беседе с Луначарским². Среди них были герои Великой Французской революции, теоретики социализма, немецкие социал-демократы, русские народники, а также известные писатели XIX в., в той или иной мере проявившие себя как критики власти.

Обрисовка руководителем советского государства, а затем его детальная разработка народным комиссариатом просвещения круга лиц, достойных прославления в новом, социалистическом обществе привели к формированию своеобразного пантеона, определяющего личностей, легальных для советской культуры. Все остальные признавались априори, в

¹ Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 198.

² Там же. С. 363.

соответствии с теорией классовой борьбы, врагами, слугами буржуазии или царского режима. На протяжении всей советской истории этот пантеон будет трансформироваться и видоизменяться, особенно ярко это проявится, когда в него войдут лидеры самих большевиков, а память о них станет объектом идеологической борьбы. Но в целом, формирование пантеона оказало определяющее воздействие на развитие советской топонимики, что выразилось в определении набора фигур, достойных увековечивания в названиях городов и улиц. И если с социалистами все было относительно логично и обосновано, то снисходительное, а во многом и превосходительное отношение ко многим деятелям русской культуры в советском обществе, таким как А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь, было определено ленинским планом монументальной пропаганды. Это прямым образом сказалось на использовании их имен в топонимике, что проявится уже в первые революционные годы.

Первые реальные факты переименований в Советской России относятся к 1918 г. Постановлением СНК «Об ознаменовании памяти комбрига Я.А. Юдина» от 12 августа 1918 г. была переименована железнодорожная станция Красная горка недалеко от Казани в станцию «Юдино», близ которой во время наступательной операции погиб Ян Юдин, командир латышских стрелков¹. Это переименование, осуществленное по инициативе Ленина на заседании СНК, стало первым актом мемориализации погибшего большевика в топонимике.

В декабре 1918 г. подмосковное село Талдом переименовано в город Ленинск, относящийся тогда к Тверской губернии². Очевидно, что данный акт был связан со сменой административного статуса поселения, и, видимо, исходил от местных советов, а не от потребности Ленина восхвалять свое имя тверским селом.

¹ Декреты Советской власти. Т. 3 (11.07.–09.11.1918). М., 1964. С. 197.

² Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня. М., 1993. С. 142.

В первые годы существования советской власти переименования населенных пунктов вообще были крайне редки, и производились по инициативе снизу, а не прихоти большевистского правительства, и не затрагивали крупные города. По-другому обстояла ситуация с улицами этих городов. В том же 1918 г. в результате осуществления Моссоветом ленинских планов в столице было переименовано множество улиц¹. Появились названия, ставшие архетипическими для советской традиции номинации: Советская, Октябрьская, Коммунистическая, Революции. Переименования продолжились и в 1919 г., и в целом, происходили в Москве каждый год до 1924 г. При этом уничтожались традиционные названия московских улиц, определяющих облик города. Такая же ситуация сложилась и в Петрограде. Нигилизм по отношению любым названиям стал еще одной родовой чертой советской топонимической политики.

Постепенно эта практика распространилась на другие города республики. «Топонимическая революция» двигалась вслед за триумфальным шествием Красной Армии по территории страны в ходе Гражданской войны. Одним из таких городов был Омск. В период 1918–1919 гг. город был ставкой Верховного правителя Российского государства А.В. Колчака, политическим центром белого движения, «логовом контрреволюции» в представлении большевиков. Войска Красной армии заняли Омск 14 ноября 1919 г., а первые массовые переименования улиц начали осуществляться уже в феврале 1920 г. Примечателен Омск тем, что именно здесь, из-за политического статуса города, идеологическая пропаганда большевиков требовала особой тщательности, и была направлена на искоренение «белого следа». Важно отметить и то, что переименование улиц в Омске началось в условиях эпидемии тифа и топливного кризиса. Таким образом, воздействию идеологической надстройки на умы

¹ Поспелов Е.М. Указ. соч. С. 186.

большевики придавали не меньшее значение, чем обеспечению прочного материального базиса.

Однако не стоит полагать, что только партийные работники выступали инициатором локальных «топонимических революций». Пример того же Омска демонстрирует, что осуществление массовых переименований осуществлялось не только при активном участии, но и с подачи местной интеллигенции. В.Г. Рыженко в своей монографии, посвященной интеллигенции сибирских городов в 1920-е гг. представила сюжет о переименовании омских улиц после окончательного установления советской власти¹. Инициатором выступил городской инженер Д.А. Вернер, работавший в городской управе при колчаковском правительстве. Вернер остался в городе после краха режима и продолжил работу. Еще в период «белого Омска» его интересовала проблема номинации городских улиц, а именно их неупорядоченность. Вернер считал, что способ номинации улиц в Омске «... некрасив, неудобен и сильно затрудняет нахождение адресата»². Поэтому он предложил внедрить в городе англо-американскую систему наименования, подразумевая наличие номерных улиц. Появились улицы Линии с севера на юг, вплоть до 17-й, а также 15 улиц Северных с запада на восток в северной части города. Однако, несмотря на рациональную составляющую и новаторский порыв Вернера, новые веяния заставляли считаться с мнением власти. Сам инженер в докладной записке уже в декабре 1919 г., наряду с предложением рационализировать омскую топонимию, предложил переименовать центральные улицы города, «придав им более

¹ Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург–Омск, 2003. С. 261–264. См. также: Рыженко В.Г. К истории одной акции по переименованию омских улиц // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Секция: История Омска и Омской области. Омск, 1991. С. 112–116.

² Докладная записка городского инженера Д.А. Вернера члену Омской городской управы А.И. Шкоде о выборе системы наименований улиц Омска от 20 февраля 1919 г. // Улицы города Омска: Справочник. 2-е изд. Омск, 2008. С. 172.

осмысленные и соответствующие духу времени названия»¹. В феврале 1920 г. в Омске появились улицы Ленина, Карла Маркса, Советская, Республики, Карла Либкнехта, Красный путь², Интернациональная, Коммунистическая, Герцена и другие. Постановление о переименовании выпускал губернский революционный комитет, поскольку постоянные советские органы еще не были созданы.

Южнее Омска в то время находился ряд разрозненных поселков близ железной дороги, которые были объединены постановлением губисполкома в 1921 г. в единый город Ленинск-Омский³. Переименования улиц начались и в этом населенном пункте, здесь возникли свои Ленина, Красный Путь, Линии, оригинальные Лобкова, Труда, Калинина. Примечателен тот факт, что тогда же в Ленинске появились улицы, названные в честь русских литераторов XIX в., расположенных комплексно. Улицы Пушкина, Гоголя, Л. Толстого, Некрасова, Бакунина очень напоминают список, составленный наркомпросом в 1918 г. для установки бюстов в Москве.

Таким образом, «топонимическая революция» постепенно и планомерно охватывала города советской республики, на местах проявляя себя в разнообразных вариантах. Местная интеллигенция получила возможности для реализации своих давних задумок с учетом запросов новой власти, а власть находила в их лице профессионалов и организаторов необходимых для нее мероприятий. Каждая локальная «топонимическая революция» требует отдельного исследования, и не исключено, что разнообразие её проявлений значительно расширится с введением в оборот новых данных.

¹ Докладная записка зав. дорожно-строительным подотделом Д.А. Вернера зав. коммунальным отделом Омского городского хозяйства о порядке наименования и переименования улиц города от 8 декабря 1919 г. // Там же. С. 173.

² Уникальный омский урбаноним, призван символизировать собой дорогу, по которой Красная Армия входила в Омск в ноябре 1919 г.

³ Улицы города Омска ... С. 14.

Как уже упоминалось выше, в первые годы советской власти переименований крупных городов не было. Подобную ситуацию, при наличии многочисленных локальных «топонимических революций», можно объяснить рядом причин. Во-первых, элементарное отсутствие осознания подобной необходимости. Ведь с точки зрения, Ленина и его плана пропаганды, воздействие должно оказываться на массы непосредственно, комплексно, в том пространстве, где они обитают. Улицы с этой точки зрения подходят больше, поскольку с ними рядовой горожанин контактирует чаще, чем с названием собственного города. Смена имени города запускает более сложные механизмы, связанные с идентичностью, и не сразу стало применяться большевиками в качестве идеологического средства. Во-вторых, предположительно, сам Ленин лично не желал начала подобного процесса, поскольку понимал, что называть города будут именно в честь него. Сконструированный в последующие годы образ Ленина как скромного аскета брал свое начало именно в подобных вещах. Известны слова Н. Крупской о том, что Ленин не желал бы установления такого количества памятников в свою честь. Однако, представляется, что вождь мирового пролетариата скорее из политических соображений, нежели из личной скромности, не хотел бы видеть бесчисленные «ленински». Формирование культа личности явление опасное с точки зрения политического долголетия, ведь личность смертна, а партия и коммунизм должны были по его задумке стать бессмертными.

Массовое переименования городов в Советском Союзе берет свое начало в 1924 г., только после смерти В.И. Ленина. Флагманом перемен стал город Ленинград, получивший обновленное имя уже 26 января 1924 г. (Ленин умер 21 января)¹. В том же 1924 г. Симбирск был переименован в Ульяновск². Города, названные в честь Ленина, появились и в союзных

¹ Поспелов Е.М. Указ. соч. С. 128.

² Там же. С. 135.

республиках. Армянский Александрополь был переименован в Ленинакан, а небольшой туркменский городок Чарджуй стал Ленинском¹.

Тогда же начали появляться города, названные в честь других лидеров партии. Смерть Ленина выступила своеобразным катализатором, освобождением от оков. Количество переименований городов возросло в геометрической прогрессии. В 1924 г. город Екатеринбург был переименован в Свердловск в честь Якова Свердлова, скончавшегося еще в 1919 г.² Вскоре после смерти Ф.Э. Дзержинского в 1926 г. в честь него Дзержинском был назван рабочий поселок Растяпино под Нижним Новгородом, получивший затем и статус города³. Ленин, Свердлов и Дзержинский составили своеобразный мини-пантеон «великомучеников», непогрешимых борцов за верное дело. Их имена прочно закрепились в советской идеологии, в отличие от вождей последующих лет, участников борьбы за власть.

Но не только погибшие большевики получили город, названный в их честь. Имя Сталина вошло в советскую топонимику также с середины 1920-х гг. В 1924 г. город шахтеров Юзовка на Донбассе переименован в Сталино⁴. В 1925 г. Царицын, восхваляя особую роль Сталина в победе красных над белыми на этом участке фронта, получил название Сталинград⁵.

Таким образом, период «топонимической революции», начавшийся в 1917 г. с приходом к власти большевиков, ознаменовал собой кардинальный слом традиции номинации в российском обществе. Отныне первостепенное значение приобретала пропагандистская функция названия. Был сформирован принцип пантеона, в состав которого входил ограниченный круг лиц, в честь которых могли именоваться топонимы. Утвердилось нигилистическое отношение к любому названию, без учета его исторического и культурного значения. Все эти родовые черты советской

¹ Поспелов Е.М. Указ. соч. С. 87.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Там же. С. 156.

традиции наименования проявили себя уже в 1920-е гг., и впоследствии будут только усиливаться, проявляя себя в наиболее крайних формах. Своеобразной рубежной датой между «топонимической революцией» и последующим периодом выступает 1927 г., обоснование которой будет дано в следующей главе.

Глава 2. «Культурная топонимика»: хронологические рамки и особенности

2.1. «Культы личности» в советской топонимике 1930-х гг.

Проблема радикальной трансформации советского общества на рубеже 1920-х – 1930-х гг. в том или ином виде давно присутствует в отечественной историографии. Действительно, разрыв между характеристиками этих двух десятилетий может показаться существенным. Относительно спокойные во внутренней жизни общества, но с интернациональным революционно-мессианским запалом в идеологических установках молодой советской власти в 1920-е гг. против времени бурных потрясений начала 1930-х гг., кардинальной социальной трансформации в сочетании с этатистко-патриотической риторикой властей и концепцией «построения социализма в отдельно взятой стране». В какой-то степени, можно говорить о двух разных этапах в жизни советского общества, рубеж между которыми определяется весьма по-разному.

Безусловно, этот перелом чувствовали и осознавали сами современники. Более того, власть сама провозгласила решительный разрыв с прошлым. «Годом великого перелома» был объявлен 1929 год в партийной пропаганде¹, вместе с которым началась политика форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Именно с этим в отечественной науке традиционно увязывают конец НЭПа, переход к плановой системе в социально-экономической сфере. В политической жизни

¹ Сталин И.В. Год великого перелома: к XII годовщине Октября // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 118–135. Оригинальная статья была издана в «Правде» за 3 ноября 1929 г.

страны этот рубеж связывают с победой Сталина над «правым уклоном», окончательного установления режима его личной власти¹.

Помимо столь явных политических и экономических характеристик, исследователями отмечается разрыв и в сфере культуры. Культуролог Владимир Паперный предложил концепцию двух культур в первые два десятилетия советского общества. «Культура 1» связана с периодом 1920-х гг., это время революционного запала со стремлением к коллективизму, горизонтальных устремлений конструктивистской застройки в архитектуре. Дихотомию ей составляет «Культура 2», воплощающая в себе сталинскую эпоху с её устремленными в небо высотками, возрождением традиционной семьи и другими противоположными «Культуре 1» характеристиками².

Наиболее важным для нас в концепции Паперного является дихотомия «понятие – имя», олицетворяющая принципы номинации в советской культуре. Вслед за Ю. Лотманом и Б. Успенским он выделяет культуры, ориентированные на мифологическое мышление, т.е. собственные имена и абстрактные понятия³. В изложении Паперного «Культура 1» опирается на понятия, а для «Культуры 2» характерно возвеличивание имени. Соглашаясь с Паперным, такую трактовку можно признать в качестве определяющих и доминирующих тенденций в советской традиции номинации. Однако на наш взгляд для 1920-х гг. имя, в целом, в топонимике также преобладало над понятиями, а количество именованных понятий в 1930-е гг. возрастает по сравнению с предшествующим десятилетием, что будет показано на конкретных примерах ниже.

О сущностном отличии обозначенных выше двух этапов развития советского общества в сфере идеологической политики писал американский

¹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 13. Тем не менее, как отмечает О.В. Хлевнюк, несмотря на победу над «правыми» (вывод Бухарина из Политбюро и лишение Рыкова поста председателя СНК) они продолжали оказывать свое влияние на политику и в 1930-е гг.

² Паперный Вл. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

³ Там же. С. 183.

советолог Дэвид Бранденбергер¹. Он обозначил проблему перехода от революционно-мессианской, интернациональной идеологии 1920-х гг. к державничеству, руссоцентризму, этатизму и имперским амбициям 1930-х гг.

Бранденбергер выдвинул концепцию кризиса «сталинского агитпропа», суть которого заключается в неспособности партийного руководства популяризовать массовое ощущение «революционного социалистического самосознания» в конце 1920-х гг.² Это было вызвано, по мнению автора, схематизмом и сложностью абстрактных теоретических построений партийной пропаганды для восприятия её малообразованными массами. Своеобразной критической точкой стал 1927 год, когда слухи о возможной войне с западными державами привели к распространению панических настроений в советском обществе³. А 10-летний юбилей Октябрьской революции, в свою очередь, не привел к ожидаемым результатам по части идеологической мобилизации населения. После этого советское руководство, по мысли Бранденбергера, решило отказаться от социологизированной марксистской риторики и перешло к более простым и понятным приемам, ориентированным на героизацию настоящего и легитимацию «полезного прошлого». В итоге, в середине 1930-х гг. советской власти удалось достичь желаемого уровня мобилизации и идеологизации общества за счет героических образов, конструируемых массовой культурой (роман «Как закалялась сталь», х/ф «Чапаев» как наиболее яркие примеры) и складывания стахановского движения. Однако в период 1937–1938 гг., время «Большого террора», по мнению автора, наступает «идеологическое фиаско», которое свело на нет достижения середины 1930-х гг.⁴ Реабилитация русских национальных героев, типа Суворова, Александра Невского, национального

¹ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927 – 1941. М., 2017.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 260.

прошлого в целом, рассматривается Бранденбергером как определенное поражение «советской» идеи.

Концепция Бранденбергера заслужила столь пристального внимания в данной работе по причине её близости к теме исследования и проблематизации перехода от революционной идеологии к державничеству на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Бранденбергер никак не учитывает топонимический аспект в идеологической политике, что, безусловно, обосновывается источниковой базой его исследования и попыткой показать неудачи в пропаганде именно партийных структур и их слабость перед эффективным воздействием массовой культуры. Однако переименование городов и улиц является не менее значимой и масштабной частью функционирования советской идеологии, и осуществлялось оно как раз партийными и государственными структурами. Безусловно, показать обратную связь населения на переименования достаточно проблематично, что, в свою очередь, удалось Бранденбергеру на его материале. Тем не менее, анализ топонимических практик в сталинскую эпоху позволит увидеть иную сторону идеологической политики, и поможет в понимании логики советских руководителей в деле пропаганды и прививания обществу новых ценностей.

Рубежной датой, подводящей черту под «топонимической революцией», описанной в первой главе, и дающий начало новому периоду в истории советских переименований, является 1927 г. В этот год произошло исключение Л.Д. Троцкого из РКП(б) и смещение его со всех государственных постов. Троцкий стал первой жертвой внутрипартийной борьбы и был выведен за рамки советского пантеона. В честь него было названы два города «Троцк» (ныне Чапаевск Самарской области и Гатчина Ленинградской области). В том же 1927 г. начали переименовываться улицы,

названные в честь Троцкого во многих городах СССР¹. Этот процесс не был одномоментным. Более того, оба Троцка сохраняли свое название вплоть до 1929 г., пока Троцкий не был выслан из страны². Переименование улиц имени Троцкого в 1927 г. стало первым актом идеологической трансформации топонима, появившегося уже в советскую эпоху. Иными словами, с 1927 г. стали переименовывать не только дореволюционные названия, но и советские. Это было безусловным новшеством, и характер переименований с этого времени меняется. Отныне это не просто факт разрыва с дореволюционным прошлым, но и важный элемент политической борьбы. Формирующийся сталинский режим начинает выхолащивать идеологическое поле, не оставляя возможности для восхваления или памятования его политических противников. Это в корне меняет традицию номинации, и именно поэтому с 1927 г. мы обозначаем новый период в развитии советской топонимики.

Переименование городов и улиц на протяжении всего десятилетия 1928–1938 гг. было тесно связано с внутрипартийной борьбой. Имена коммунистических вождей на картах и планах городов будут стремительно возникать и столь же стремительно с них исчезать в зависимости от политической конъюнктуры.

Номинация в честь в политических деятелей, первых лиц государства стала наиболее ярким выражением процесса идеологического переименования городов. Именно такие именованья отражали сущность советской идеологии, способствовали формированию «культы личности» Сталина. В.П. Андреев также говорил о формировании региональных «культов личности»³. В Сибири распространялся культ В.В. Куйбышева, Г.К.

¹ В Омске и его городе-спутнике Ново-Омске они были переименованы одними из первых в СССР (в некоторых городах, например в Екатеринбурге, улицы Троцкого оставались до 1928 г.). См. об этом: Улицы города Омска: Справочник. Омск, 2008. С. 21, 22.

² Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня. М., 1993. С. 50, 68.

³ Андреев В.П. Топонимика и идеология в Советской России (1917 – 1941) // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы II Всероссийской научно-практической Интернет-конференции. Вып. 2: в 2 кн. Кн. 1. Красноярск, 2006. С. 19.

Орджоникидзе – на Кавказе, в Поволжье – попытки создать культ Л.М. Кагановича. Но главным «топонимическим культом», безусловно, стало имя С.М. Кирова. После убийства первого секретаря Ленинградского обкома его фамилия стала наиболее часто употребляемой в качестве топонимической основы для переименования того или иного населенного пункта. Его именем также называли улицы, районы, сельские поселения, предприятия. Культ Кирова в топонимике превзошел по своим масштабам культ Сталина, а основная часть составляющих его ойконимов сохраняются и поныне.

Прежде чем перейти к изложению сюжетов номинации в честь политических деятелей, остановимся на подсчете количественных данных, которые позволят более наглядно представить масштаб переименований в рассматриваемый период. Приводим таблицу, составленную на основе материалов историко-топонимического словаря Е.М. Поспелова¹, в которой содержатся сведения о количестве именовании в честь видных политических деятелей советской эпохи, оставшихся в пантеоне после всех партийных чисток.

*Таблица 1**

Названия городских поселений (городов, пгт), присвоенные в честь партийных деятелей в период 1924 – 1954 гг.

Фамилия партийного деятеля	Количество городских поселений, названных в его честь
Киров	23
Ленин	17
Сталин	12
Орджоникидзе	8
Ворошилов	6
Дзержинский	6

¹ Поспелов Е.М. Указ. соч.

Каганович	6
Калинин	5
Куйбышев	5
Молотов	5
Будённый	4
Свердлов	3
Фрунзе	2

*Составлено по данным топонимического словаря Е.М. Поспелова: Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня. М., 1993. С. 23–170.

Данные таблицы наглядно показывают, что фамилия С.М. Кирова стала наиболее распространенной корневой основой для топонимов сталинской эпохи. Несмотря на то, что называть в честь Кирова стали только после его убийства в 1934 г. Более того, имя Кирова переживет режим, не подвергнется ревизии и осуждению, останется наиболее распространенным в отечественной топонимике. Улицы Кирова будут появляться и после смерти Сталина. К примеру, в Омске улица Кирова возникла только в 1958 г.¹

Не менее важна динамика, с которой происходили переименования. Представленный ниже график наглядно демонстрирует, что первый бум переименований, начавшийся в 1924 г. еще в рамках «топонимической революции» достаточно быстро сходит на нет к концу 1920-х гг. С начала 1930-х гг. идет новая волна переименований, которая достигает своего апогея в 1935 г.

¹ Улицы города Омска ... С. 52.

Рис. 1. График распределения переименования городов в СССР по годам. Составлен по данным топонимического словаря Е.М. Пospelова: Пospelов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня. М., 1993. С. 27–170.

За период 1929–1934 гг. появилось 15 новых названий городских поселений, названных в честь партийных деятелей. Помимо распространенных в 1920-е гг. названий в честь Ленина, Дзержинского, Свердлова, в советской топонимике появляются имена ближайших сподвижников Сталина, таких как Орджоникидзе, Ворошилов, Каганович. Из наиболее значимых переименований стоит особо отметить города Сталинабад (Душанбе, 1929)¹, Калинин (Тверь, 1931)², Орджоникидзе (Владикавказ, 1931)³, Сталинск (Кузнецк, 1932)⁴.

В 1935 г. было переименовано сразу 16 крупных городских поселений – это наибольшее количество переименований в один год за всю историю СССР. Во многом такой всплеск связан с гибелью С.М. Кирова в декабре 1934 г. и активной пропаганды, придающей Кирову жертвенную роль. За 1935–1936 гг. возникли такие названия как Кировабад (два города, в Азербайджане и Таджикистане соответственно), Кировакан (Армения),

¹ Пospelов Е.М. Указ. соч. С. 59.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 83.

Кировград, несколько городов с названиями Кировск и Кировское¹. Причем для переименований подбирались весьма разнообразные поводы. Основанный лишь в 1929 г. для разработки апатитов город Хибиногорск Мурманского округа Ленинградской области получил название Кировск еще в декабре 1934 г.² Сам С.М. Киров связан с городом лишь недолговременными посещениями. Вятка также была переименована в Киров еще в 1934 г., поскольку бывший первый секретарь Ленинградского обкома был уроженцем Вятской губернии³.

Помимо скорби над Кировым, 1935 год оказался траурным для советского руководства еще по одной причине. Скончался «старый большевик» и «ленинец» В.В. Куйбышев. Соответственно, начались процессы увековечивания памяти. Название «Куйбышев» в 1935 г. получили Самара, Каинск, Спасск-Татарский⁴.

Кроме практик коммеморации, переименование городов осуществлялись для восхваления и закрепления места отдельной личности в советском пантеоне. В 1935 г. прочное место в нем занимает К.Е. Ворошилов. Появились Ворошиловград (Луганск), Ворошиловск (Ставрополь) и Ворошилов (Никольск, ныне Уссурийск)⁵.

В том же 1935 г. открылся Московский метрополитен. Первоначально ему должно было быть присвоено имя Сталина. Однако сам Иосиф Виссарионович отказался от лавров, и предложил назвать метрополитен именем Кагановича, который «прямо и непосредственно ведет успешную организационную и мобилизационную работу по строительству Метро»⁶. При этом ЦК ВКП(б) от лица Сталина рекомендовал коллективу

¹ Поспелов Е.М. Указ. соч. С. 77.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Записка Сталина Старостину по поводу присвоения имени Сталина метрополитену // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1472. Л. 34.

метрополитена не принимать во внимание протестов самого Л.М. Кагановича¹.

ЦК ВКП(б) в 1930-е гг. оставался единственным властным органом, реально влияющим на выработку решений о переименовании того или иного географического объекта, предприятия. В то же время, ЦК не мог самостоятельно справиться со всем потоком обращений и предложений о переименованиях с мест, поскольку в 1930-е гг. такая практика приняла характер своеобразного соревнования. Показательным в этом отношении является решение заседания Политбюро от 23 марта 1932 г. «О порядке присвоения имен отдельных работников городам, железнодорожным станциям, районам, селам, предприятиям», выработка которого была возложена на тт. Енукидзе и Постышева². Политбюро предложило Президиуму ЦИК СССР установить соответствующий порядок, и переименование отныне могло осуществляться только с санкции Президиума. Однако в этом же решении Политбюро отменил решение Президиума от 3 ноября 1931 г. об отклонении ходатайства ЦИК Таджикской ССР о переименовании города Сарай-Комар в Буманабад, и постановил осуществить переименование³. Несмотря на очевидное стремление ЦК сбросить с себя определенный объем работы, отказаться от участия в выработке важных для идеологических установок решений партия не могла.

Хотя переименования в честь политических деятелей и были наиболее яркой чертой эпохи, они далеко не отображают всего спектра явлений в советской топонимике этого периода. Номинация 1930-х–1950-х гг. куда более разнообразна и гетерогенна, чем идеологически заряженная «топонимическая революция» с акцентом на красном знамени и фигуре

¹ В рукописном варианте записки зачеркнуто первоначальное «не обращать внимания на протесты...» и предложено не «вынести решение», а сразу «переименовать Метро» в честь Кагановича.

² О порядке присвоения имен городам, районам, селам и пр. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 877. Л. 2.

³ Карл Янович Бауман (1892–1937) – партийный деятель, в 1931–1934 гг. первый секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). Арестован и казнен без предъявления обвинений в годы Большого террора. Город Бауманабад был переименован в Кировабад в 1936 г. См. об этом: Поспелов Е.М. Указ. соч. ... С. 129.

Ленина. В полной мере многообразие топонимических форм проявило себя в названиях улиц, которые начали стремительно появляться в быстрорастущих советских городах.

Названия улиц имели разнообразный характер в соответствии с такими разворачиваемыми в советском обществе процессами как коллективизация, индустриализация и культурная революция. Яркой чертой эпохи становятся «индустриальные» топонимы, отражающие преобразование социального строя, образа жизни и мысли простого советского горожанина. Города наполнились такими типическими названиями как Рабкоровская, Авиационная, Железнодорожная, Судоремонтная, Индустриальная, Осоавиахимовская и др.

Идеология в названиях улиц была отражена не только в фигурах советских вождей. «Пантеон» состоял не из одних лишь партийных лидеров. Видное место в нем занимали новые герои эпохи, такие как Стаханов и другие герои труда. Особую роль стали играть летчики-рекордсмены и покорители Севера. В городах по всему СССР возникали улицы Чкалова, Шмидта, Челюскинцев.

Однако переименования осуществлялись далеко не всегда в идеологических целях, хотя новые названия и несли на себе отпечаток эпохи. Причиной массовых переименований в отдельно взятом городе могла стать объективная и рациональная необходимость унифицировать топонимическую систему. К примеру, в 1930 г. в состав Омска вошел город-спутник Ленинск-Омский, а в 1933 г. расположенный на противоположном берегу Иртыша город Ново-Омск¹. Город оказался в ситуации не просто дублирования, а тройного повторения названий многих улиц. Безусловно, каждый из этих городов имел оригинальные топонимы, однако за прошедшие полтора десятилетия с установления советской власти города обзавелись «обязательными» улицами Ленина, 10-летия Октября, Советскими,

¹ Улицы города Омска ... С. 14.

Коммунистическими. Более того, в городах-спутниках повторялась специфичная омская практика многочисленных номерных улиц. В итоге какое-то время в разных частях формально единого города существовали по три улицы 1-я линия, 2-линия и т.д. Унификация городской топонимической системы была проведена только в 1938 г. Местные советы довольно долго игнорировали данную проблему, и даже продолжали её усугублять. В 1935 г. после смерти В.В. Куйбышева в Омске сразу появилось две улицы его имени, одна из них в Ленинске¹. В итоге, на смену многочисленным повторяющимся улицам в 1938 г. пришли такие названия как Киевская, Крымская, Харьковская, Дальневосточная, Красногвардейская, Краснофлотская. Улицы Линии стали номерными Кировскими и Ленинскими соответственно названиям районов, в которых они были расположены.

Помимо прочего, данная проблема решалась омскими городскими властями в условиях «Большого террора». Одну и ту же улицу за год приходилось переименовывать несколько раз. К примеру, улица Труда², расположенная в Кировском районе, была переименована в январе 1938 г. в улицу Косиора³, поскольку улица с таким же названием находилась в Ленинском районе. Но уже в августе её переименовали в честь летчика Данилина, поскольку С.В. Косиор был арестован и осужден в мае 1938 г. Расположенная неподалеку улица Иртышская была переименована в начале 1938 г. в улицу Блюхера⁴. Однако к концу года советский маршал был репрессирован, и улица была переименована в честь Л.П. Берии, ставший к тому времени наркомом внутренних дел. Вскоре состоялось новое переименование, причины которого на данный момент не ясны. Улица стала носить название «20 лет ВЛКСМ», что позволяет говорить о срочной

¹ Улицы города Омска ... С. 59, 96.

² До 1928 г. она была улицей Зиновьева. См. об этой улице: Улицы города Омска ... С. 38.

³ Станислав Викентьевич Косиор (1889–1939) – советский партийный деятель, первый секретарь Коммунистической партии Украины (1928–1938), член Политбюро ЦК ВКП(б). Смещен со всех постов, арестован в мае 1938 г. по обвинению в принадлежности к «Польской военной организации», в феврале 1939 г. расстрелян.

⁴ Улицы города Омска ... С. 51.

необходимости отметить юбилей комсомола, а не предать забвению имя Бери.

«Умалчивание» было одним из главных приемов советской пропагандистской машины. Скрытие фактов и отсутствие доступа к информации большей части общества давали возможность власти играть с общественными настроениями, используя средства массовой информации, агитацию и, в том числе, топонимику. Названия городов и улиц выступали в качестве своеобразных маркеров, отображающих текущее состояние политической раскладки. В годы «Большого террора» названия менялись несколько раз за год, поскольку их прототипы теряли свое место в пантеоне. Эта практика, ставшая олицетворением сталинского режима в системе номинации, берет свое начало с 1927 г. и падения Л.Д. Троцкого с политического олимпа. Именно поэтому нижняя граница периода «культовой топонимики» определяется нами как 1927 г.

2.2. Переименования городов и улиц как инструмент нациостроительства

Несмотря на то, что восхваление политических лидеров и выстраивание вокруг них целых культов, в том числе в области названий, является наиболее яркой чертой эпохи, это был далеко не единственный вариант функционирования советских топонимических практик. Попытки превозношения отдельной личности выступают лишь одним из проявлений идеологии. Идеологическая политика государства представляет собой гораздо более сложное явление, преследует разнообразные цели и имеет множество проявлений.

Особый характер идеология приобретает в сложных иерархически-устроенных гетерогенных государствах, каким и был Советский Союз. Будучи рожденным из горнила революции, молодое социалистическое

государство оказалось перед необходимостью практически с нуля выстраивать вертикаль власти и административно-территориальную структуру.

Территориально СССР располагался на большей части бывшей Российской империи, за исключением потерянных по условиям Брестского мира земель. Тем не менее, российское государство в советском его воплощении по-прежнему оставалось многонациональным. По итогам Гражданской войны и образования Союза Советских Социалистических Республик в 1922 г. большевики оказались перед необходимостью устройства нового государственного строя на «окраинных» территориях бывшей Империи, которые населяли представители различных этнических групп. На заре своего существования Советский Союз был вынужден столкнуться с проблемами по интеграции этих территорий в единое, теперь советское, пространство. Это вызывало определенные сложности, поскольку представители национальных элит, как и местное население, зачастую оказывали активное сопротивление утверждению советской власти. Наиболее ярким примером подобного сопротивления является басмачество в Средней Азии. Очевидно, что установления советской власти лишь военным путем было недостаточно для прочного закрепления на национальных территориях. После образования СССР советская власть оказалась перед необходимостью перехода от «правления силой» к поддержке широких масс населения¹. Одним из механизмов осуществления такого перехода и должна была стать идеология. При этом она должна была радикально отличаться от идеологии старого «буржуазно-монархического» государства, основанной с точки зрения большевистских вождей на империализме, проявляющемся в великорусском шовинизме по отношению к остальным народам империи.

¹ Суни Р.Г. Сталин и сталинизм: власть и авторитет в Советском Союзе, 1930–1953 // Политическая наука современной России: Тенденции развития: Пробл.-темат. сб. М., 2000. №1. С. 33.

Т. Мартин приводит пример того, как Ленин и Сталин в своих работах утверждали, что за национальным самоопределением, идеологией русского национализма стоит всего лишь враждебный класс буржуазии¹. По логике «вождей» каждый народ должен иметь свою автономию, однако она должна опираться на класс рабочих и крестьян.

В этом, казалось бы, логичном и непротиворечивом с марксистской точки зрения пассаже, стоит обратить внимание на то, что большевиками не отрицалось существование национального самосознания, право наций на определение. Но оно воспринималось исключительно со стороны классового характера любой идеологии². Однако национализм, будучи идеологической надстройкой, служил интересам буржуазии. В интересах советской власти было необходимо придать национальному самоопределению классовый характер, но уже применительно к классу трудящихся. Именно этим можно обосновать политику большевиков по формированию национальных идентичностей у народов СССР. С позиций марксизма же это обосновывалось тем, что каждое общество³ должно пройти все стадии развития на пути к социализму, а национализм необходим, как соответствующая капиталистической формации идеологическая надстройка. Таким образом, понятие «нация» перестало иметь общегосударственное значение, и было опущено на уровень этнических общностей.

В свою очередь, советское руководство оказалось перед необходимостью выстраивания новой, наднациональной идентичности, которая бы позволила сплотить и объединить столь разнообразные народы

¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 15.

² И.В. Сталин, будучи наркомом по делам национальностей, нередко в своих работах обращался к вопросу национализма, как идеологии: «Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии». См. об этом: Сталин И.В. Политика советской власти по национальному вопросу в России (1918) // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937. С. 54.

³ Этнические меньшинства, «национальности» признавались в качестве отдельных обществ. Это весьма показательно, поскольку наглядно демонстрирует, что молодое советское государство находилось в состоянии имперской ситуации. Предпринимаемые решения же были направлены на «разрешение» этой ситуации, преодоления гетерогенного состояния разношерстного советского общества, как с этнической точки зрения, так и со стороны стадии формационного развития этих обществ.

Советского Союза. Безусловно, по замыслу большевиков, социализм должен был стать идеей, способной сплотить общество. Однако это неизбежно наталкивалось на сопротивление национальных культур. Таким образом, советская власть оказывалась в ситуации необходимости «освоения» и интеграции окраин в разворачиваемые процессы социалистического строительства. Одним из подобных средств было переименование населенных пунктов на территории национальных республик, что давало возможности для трансляции новых социалистических ценностей на окраинах.

При этом большевики не были изобретателями данного подхода, и подобные практики осуществлялись еще в рамках Российской империи. Известный российский историк А.В. Ремнев посвятил отдельную статью топонимике как механизму внутреннего устройства имперского пространства и «присваивания» территории¹. Он рассматривал топонимику как некий символический ресурс, который наравне с крестьянской колонизацией, строительством православных храмов, составлял важную часть политики «обрусения» колонизируемой территории. Ремнев вводит понятие «топонимический национализм» для обозначения политики самодержавия, проводимой в целях не только освоения имперского пространства, но и его национального «присвоения».

По мнению Ремнева, активно использовать топонимический символический ресурс империя начинает только со второй половины XIX в. Прежде всего это практика распространилась на Сибирь, инициаторами которой выступали местные и столичные чиновники, такие как Г.Х. Гасфорд, А.Н. Куломзин. Но куда более заметным топонимическое влияние империи было на недавно присоединенных окраинах. В Приамурье и Приморье, благодаря инициативам графа Н.Н. Муравьева-Амурского, осуществлялось

¹ Ремнев А.В. Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века // *Ofiary imperium – Imperia jako ofiary: 44 spojrzzenia / Imperial Victims – Empires as Victims: 44 views.* – Warszawa, 2010. – S. 153–168.

присвоение названий в честь общероссийских и местных государственных деятелей, ученых и даже местных чиновников. В Казахской степи интерес к переименованию городов, волостей и сел также проявился только с конца XIX в., с началом массовой крестьянской колонизации края. Особое внимание вопросу географической номенклатуры было уделено в Туркестане, где главным актором выступал Туркестанским отделом Императорского Русского Географического Общества. Его представители считали, что замена названий «будет полезна в деле ассимилирования туземного населения господствующей народностью». Таким образом, А.В. Ремнев выделил основные регионы, подвергшиеся влиянию политики «топонимического национализма», являвшиеся окраинами Российской империи. Примечательно, что политика советской власти во многом оказалась направленной на эти же регионы.

Обосновывая применимость термина «топонимический национализм», А.В. Ремнев утверждает, что на топонимическом уровне в Азиатской России со второй половины XIX в. активно воплощалась идеологическая формула «православие, самодержавие, народность». Топонимика приобрела значение механизма символического «приращения» территорий в рамках проектов «обрусения» Азиатской России. С крахом самодержавия и установления советской власти теряет жизнеспособность русский национализм, по крайней мере, внутри российского общества. Образовавшийся вакуум после гибели идеологии национализма («империализма», «великорусского шовинизма» в трактовке большевиков) был занят социалистической идеологией.

Профессор Гарвардского университета Терри Мартин в своей монографии «Империя "положительной деятельности"» объясняет механизм функционирования советской интегрирующей модели¹. В качестве основного положения Мартин выдвигает идею об оригинальности советской политики в том, что она поддерживала внешние формы национальных меньшинств в

¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

гораздо большей степени, чем национального большинства, т.е. русских. Эти меры проводились советским руководством с целью не допустить восприятия Советского Союза как империи, а его политики как проявления империализма. Мартин также утверждает, что у Ленина и Сталина складывалось определенное представление о том, что притягательность надклассового национализма утратит свою силу в том случае, если нациям будут представлены определенные формы государственности. Это противоречие Мартин вписывает в конструкцию «положительной деятельности» (*affirmative action*) – своеобразного компенсаторного механизма, использованного по отношению к национальным меньшинствам. Советская власть, по Мартину, стремилась к переходу от того, чтобы быть русской властью, к тому, чтобы стать властью межнациональной. Основная цель этой политики – обеспечить мирное сосуществование различных национальных культур с зарождающейся общесоюзной социалистической культурой.

На практике подобное воплощалось в целый комплекс мероприятий, направленный на поддержку и развитие национальных культур в сочетании с социалистическими идеалами. В сфере номинации это проявилось в появлении целого ряда синкретичных, сложносоставных названий, отражающих общесоюзные тенденции в сочетании с национальной спецификой.

Одними из самых беспокойных и сложных для социалистического преобразования регионов на протяжении всей советской истории, в силу целого комплекса причин, являлись Кавказ и Средняя Азия. Здесь советские топонимические практики проявили себя наиболее ярко. Широкое распространение получил принцип номинации, при котором конструировалось сложносоставное название из двух корней. Первый корень являл собой фамилию одного из советских вождей, а второй был обозначением слова «город» на национальном языке: *-абад*, *-акан* и т.д.

Самым распространенным в качестве первой коренной основы стало имя Ленина. Еще в 1924 г., вскоре после смерти вождя пролетариата, армянский город Александрополь был переименован в Ленинакан¹. Спустя десятилетие, на территории Южной Осетии появился поселок Ленингори (груз. *Ленина гора*)². В том же 1934 г. осетинский Цхинвали переименован в Сталинири³.

В Средней Азии советские названия сочетались с корнем *-абад*. В 1929 г. столица таджикской автономии город Дюшамбе был переименован в Сталинабад (*город Сталина*)⁴, что стало олицетворением советского присутствия и начавшейся форсированной индустриализации в регионе. Также в Таджикистане в 1936 г. появился Ленинабад, бывший город Ходжент, в древности именовавшийся в честь персидского царя Кира и Александра Македонского⁵.

В 1935 г. к двум главным советским вождям добавилось имя С.М. Кирова. В Азербайджане город Гяджа был переименован в Кировабад⁶. В Армении образован Кировакан (*город Кирова*) в том же 1935 г.⁷ Свой Кировабад появился и в Средней Азии, когда уже упоминавшийся в предыдущем параграфе Бауманабад был переименован в честь Кирова⁸.

Еще одной фигурой, ставшей универсальной для трансляции советских ценностей на Кавказе и в Средней Азии, был Г.К. Орджоникидзе. В Таджикистане небольшой районный центр Янгибазар был переименован в Орджоникидзеабад незадолго до самоубийства наркома⁹. На Кавказе в общей сложности было три года с одинаковым названием «Орджоникидзе». Первый появился еще в 1931 г., был переименован североосетинский Владикавказ.

¹ Ныне город Гюмри. См. об этом: Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня. М., 1993. С. 55.

² Поспелов Е.М. Указ. соч. С. 87.

³ Там же. С. 158.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Там же. С. 155.

⁶ Там же. С. 77.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 129.

⁹ Там же. С. 169.

Причем городу было возвращено дореволюционное название в осетинской форме Дзауджикау в 1944 г., а в 1954 г. он снова стал Орджоникидзе¹. В Грузии же небольшой поселок Харагоули с 1949 г. назывался Орджоникидзе². Наконец, еще один Орджоникидзе находился на Донбассе, в 1937 г. был переименован город Рыково³.

Примечательно, что топонимические преобразования совпадали с политикой конструирования официального прошлого. В учебнике «История СССР: Краткий курс», изданном в 1937 г. подчеркивалась особая роль Орджоникидзе и Кирова установления советской власти на Кавказе⁴. Это лишний раз подчеркивает, что топонимические практики находились в тесном взаимодействии с политикой памяти, будучи органическими составными частями советской идеологии.

Наряду со сложносоставными топонимами города советских республик получали названия на национальном языке, взамен дореволюционных русских или с других европейских языков. Наиболее яркие примеры: русский Верный переименован в город с казахским названием Алма-Ата⁵, а греческий Тифлис в 1936 г. стал грузинским Тбилиси вместе с образованием Грузинской ССР⁶. В 1944 г. в состав СССР вошла Тувинская Народная Республика, столицей которой являлся город Кызыл, что в переводе с тувинского означает «красный»⁷. В то же время, киргизская столица с 1926 г. именовалась Фрунзе⁸, что подчеркивало советское присутствие и транслировало память о Гражданской войне.

¹ Поспелов Е.М. Указ. соч. С. 46.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 63.

⁴ Бранденбергер Д. Как Сталин переписал историю Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917 – 1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: Материалы Международной научной конференции (Москва, 1–3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 504.

⁵ Поспелов Е.М. Указ. соч. С. 44.

⁶ Там же. С. 146.

⁷ Там же. С. 34. Примечательно, что до 1918 г. город назывался Белоцарск. До 1926 г. носил тувинское название Хем-Белдыр.

⁸ Там же. С. 116.

Иными словами, советская идеологическая политика была направлена на конструирование советской идентичности, которая должна была заставить представителей разных национальностей и вероисповеданий почувствовать себя частью единого целого, воспринимать людей, живущих на другом краю материка своими соотечественниками. Одинаковые названия, в которых заложены определенные ценностные установки, в сочетании с национальной спецификой должны были стать одним из инструментов такой политики.

О том же пишет и Павел Кондратьевич Варнавский¹, сотрудник СО РАН, применительно к периоду 1960-х–1970-х гг. Он отметил, что основным рефреном изучения национального вопроса в СССР является мысль о противоречивости национальной политики, проводимой советским руководством. С одной стороны, оно активно способствовало формированию национальных идентичностей, с другой – довольно последовательно проводило курс на создание единой советской общности. Варнавский утверждает, что за фасадом советского федерализма и этнонационального многообразия скрывалась довольно отчетливо прослеживаемая тенденция к унификации и унитаризму, эксплицитным проявлением которой стало внедрение в общественное сознание советской идентичности. В качестве основы этой идентичности Варнавский рассматривает конструирование общей имперской памяти на примере Бурятской АССР. Общесоветское сознание актуализировалось с помощью таких идеологов, как «дружба народов» и «советский народ». По мнению ученого, правящий режим активно манипулировал общественной памятью, историей и культурой для того, чтобы добиться максимально возможной интеграции разношерстного в этнокультурном отношении населения СССР. Этот интеграционный механизм он называет «государственным (интер)национализмом», подразумевая его двойственный характер.

¹ Варнавский П.К. Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // *Ab Imperio*. 2004. №4. С. 239–262.

Однако подобные концепции, будь то «государственный (интер)национализм» Варнавского или «affirmative action» Мартина, требуют уточнений, поскольку факты из области топонимики дают нам примеры обратного хода логики советских руководителей¹. Катализатором изменений послужила Великая Отечественная война, в ходе которой колоссальное напряжение и героизм русского народа заставили власть пересмотреть отношение к национальной русской культуре. Общеизвестны слова Сталина о «великом русском народе» в мае 1945 г. во время кремлевского приема командующих войсками Красной армии².

Собственно, перелом отношения к ценностям русской национальной культуры наступил еще по ходу Войны³, что отразилось и на топонимике. Еще в начале 1944 г., незадолго до снятия блокады, многим улицам исторического центра Ленинграда были возвращены такие дореволюционные названия, как Невский проспект, Дворцовая площадь, Дворцовая набережная и другие⁴. При этом, ради переименования исчезали такие, казалось бы, «вечные» советские урбанонимы как Советский проспект, улицы Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Инициатором решения был главный городской архитектор Н.В. Баранов, чье предложение поддержал лидер ленинградских большевиков А.А. Жданов. Обосновывалось решение необходимостью подчеркнуть специфику Ленинграда, его отличие от других городов. Сам Жданов назвал Советский проспект неудачным названием, «как будто бы остальные проспекты антисоветские или несоветские»⁵.

¹ Если выводы Мартина, в целом, не подвергаются деконструкции этими фактами, поскольку его исследование относится к периоду 1923–1939 гг., то положения Варнавского требуют серьезной ревизии на материале за пределами Бурятии.

² В 1946 г. армия станет именоваться Советской.

³ В принципе, определенные подвижки произошли еще в 1930-е гг., когда Сталиным был сконструирован концепт «Родина». См. об этом упоминавшуюся монографию Д. Бранденбергера. Среди прочих символических вещей стоит отметить возрождение погон и чинов в армии, превознесение А. Суворова, А. Невского, адмирала Нахимова, Кутузова как национальных героев.

⁴ Петров Д.В. На углу «3 июля» и «25 октября»: блокадный поворот топонимики // Топонимический альманах. 2015. №1. С. 2–15.

⁵ Там же. С. 7.

По итогам Второй мировой войны территория СССР значительно увеличилась в своих размерах, начиная от присоединения Прибалтики и западных областей Белоруссии и Украины в 1939–1940 гг., и заканчивая получением в качестве своеобразных трофеев земли государств-противников – Кёнигсберга с частью Восточной Пруссии и Южного Сахалина. Интеграция этих территорий в единое советское пространство требовала целого ряда преобразований, поскольку они являлись частью мирового фашизма. Помимо прочих мер, перед советской властью стояла острая необходимость переименовывать все населенные пункты регионов, чьи названия прочно ассоциировались с врагом, равно как и объекты внутригородской топонимии¹.

Этому вопросу посвятил отдельную статью В.Н. Маслов из Балтийского федерального университета им. И. Канта². В своей работе он описывает, какими принципами руководствовались высшие органы власти, и какими методами осуществлялось массовое переименование немецких городов. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании городов Кёнигсбергской области был издан 7 сентября 1946 г., но его подготовка осуществлялась с апреля 1946 г. Инициатором выступило высшее руководство страны – Совет министров СССР. Свои варианты к переименованию предлагали представители Института этнографии Академии наук СССР и начальник Кёнигсбергского областного управления по гражданским делам В.Г. Гузий. В предложении ученых акцент делался на возвращении славянских названий Восточно-Прусских городов или их литовских вариантов. Кёнигсбергские местные власти стояли на установлении совершенно новых названий, основания которых были

¹ Ведь не могла в советском городе хоть ненадолго сохраняться Адольф Гитлер-плац, да и сам Кёнигсберг долгие годы в советской прессе изображался как форпост фашизма на востоке. См. об этом: Фостова С.А. «Немецкий след» в топонимике и в городском пространстве Калининграда // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ: сборник материалов XI Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. 2015. С. 199.

² Маслов В.Н. Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 12. С. 58–69.

найжены в местных географических особенностях (Приморск, Междуреченск, Заозерск), а также связанных с Восточной Пруссией событиями русской и советской военной истории. Предложение этнографов не нашло поддержки у руководителей РСФСР, которые осуществляли переименование, а вариант Гузия стал разрабатываться и в дальнейшем несколько раз преобразовывался. На протяжении лета 1946 г. проект по комплексному переименованию Восточно-Прусских городов менялся несколько раз. При этом одно и то же новое название несколько раз могло предлагаться для разных городов в разных вариантах проекта. Новые имена городов с легкостью переносились с одного на другое старое название. При переносе районного центра в другой город, что было осуществлено в отношении трех городов по просьбе местных властей, его название также переходило на этот город. К примеру, наименование Багратион было перенесено с планируемого изначально Кройцбурга на Прейсиш-Эйлау, и этот случай не единственный.

Выбор названия для самого главного города новой области в составе РСФСР также проходил с затруднением, что и вызвало задержку в его смене вплоть до лета 1946 года. Своеобразным решением этой проблемы стала смерть всесоюзного старосты М.И. Калинина в июне 1946 г. Кёнигсберг был переименован в Калининград, несмотря на то, что в Московской области уже находился город с таким же названием¹.

В итоге, города с русскими названиями появились на тех территориях, которые не являлись прежде частью русской ойкумены, и ознаменовали собой замену немецкой культуры на русскую в землях исконного пруссачества. Великая Отечественная война окончательно «реанимировала» русскую национальную культуру в советском обществе, что проявилось, в том числе, в названиях городов и улиц. За русским народом закрепился статус народа-лидера, ведущего за собой к коммунизму всех остальных. По

¹ В 1996 г. был переименован в Королев.

сути, это означало реабилитацию дореволюционного прошлого во многих его аспектах. Не все из старого мира признавалось огульным и однозначно реакционным. Безусловно, положительные моменты у «старой России» в конструируемой большевиками идеологии были и раньше, однако теперь подчеркивалась преемственность с героями прошлого, разрешалось ощущать эту связь. Это отразилось на традиции номинации, поскольку серьезно расширило выбор названий, значительно разбавив традиционный революционный набор из «советского», «красного», «коммунистического» и имен немногочисленных легальных вождей.

Таким образом, топонимическая политика советского руководства в годы сталинизма приобретала разнообразный характер. Находясь в логике развития советской идеологии, традиция номинации приспособлялась к новым вызовам и трансформациям советского общества. Переименование городов и улиц в этот период стало отчетливо выступать в качестве своеобразного средства управления обществом и идеологического воздействия на массы. Название служило маркером конъюнктурных изменений в общественно-политической сфере, который закреплял текущую ситуацию. Такие практики начали осуществляться с 1927 г., когда переименование стало служить инструментом политической игры, а советское общество вступило на путь грандиозных трансформаций. Уничтожение памяти о значимых вождях революции, но потерпевших поражение в борьбе за власть со Сталиным стало своеобразным отделением зерен от плевел. Топонимика, после бури потрясений, начала выстраиваться в единую систему на всей территории Советского Союза, транслируя одинаковые принципы номинации и идентичные названия в разных регионах страны. Великая Отечественная война внесла определенные коррективы в этот процесс, что, в целом, отвечает сущности советской топонимической политики – её подверженности и мобильности в соответствии с политическими явлениями. Впоследствии Война окажет еще более

определяющее воздействие на советскую традицию номинации, что подробнее будет освещено в следующей главе.

Глава 3. «Мемориальная топонимика» 1950-х – 1990-х гг.

3.1. «Мемориальный поворот»: от политической борьбы к политике памяти

Период отечественной истории, начавшийся после смерти И.В. Сталина, еще не получил целостного и концептуального освещения в отечественной историографии в сравнении с периодом 1920-х – 1930-х гг. Политические события, социальные трансформации, культурные сдвиги этого времени дают столь широкий спектр цветов и красок, что историк способен сделать пока лишь только первые несмелые мазки.

Сюжеты переименования городов и улиц этого времени если и рассматриваются в литературе, то только в контексте общего развития советской топонимики¹. Куда больший интерес для исследователей представлял и представляет период революционной трансформации названий, либо же слом советской традиции в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Процессы, разворачивавшиеся с 1950-х гг. в советской топонимической и мемориальной практике, в целом, остаются на периферии.

При рассмотрении топонимических преобразований в 1950-е – 1970-е гг. необходимо учитывать весьма сложный социальный контекст эпохи. Именно в этот период процессы урбанизации приобрели масштабный характер, в города стекалось все больше людей². В свою очередь, это

¹ См. напр.: Андреев В.П. Топонимическая практика второй половины 50-х – середины 80-х гг. // Российская топонимика XX века и политика. Томск, 2005. С. 32–37; Мазур Л.Н. История XX века в названиях населенных мест (по материалам Урала) // Уральский исторический вестник. 2011. №2 (31). С. 116–123. А.В. Жидченко рассмотрел топонимику 1950-х гг. в контексте градостроительства и развития городского района: Жидченко А.В. Топонимический ландшафт нового района советского города как элемент курса на построение коммунизма (по материалам об омском городке Нефтяников) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12. №4. С. 54–58; Жидченко А.В. Архитектурно-планировочный и топонимический ландшафт наукоградов 1950–1960-х гг. (по материалам институтской части Дубны и новосибирского Академгородка) // Баландинские чтения. 2013. Т. 8. №1. С. 26–35.

² Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России: социология, этнология. 1999. Т. 8. №4. С. 24.

неизбежно влекло за собой трансформацию городского пространства. Бурный рост численности населения городов, необходимость строительства нового жилья, развитие инфраструктуры в старых районах были факторами преобразования городов. Новые элементы городского пространства требовали номинации, т.е. своего символического оформления.

Переименования и номинация городов и улиц в этот период происходили в новых правовых условиях. Своеобразным краеугольным камнем всей топонимической политики с этого времени и до конца советской эпохи является Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям»¹, изданный в 1957 г.

В преамбуле к «Указу» говорилось о допущении «крупных недостатков и отступления от ленинских традиций» в деле присвоения имен административным центрам, предприятиям и т.д. «Великий Ленин учил советских людей быть скромными и сам был образцом скромности и простоты, непримиримым противником возвеличения его имени. "Вы не можете представить себе, - говорил он, - до какой степени неприятно мне постоянное выдвигание моей личности". При жизни В.И. Ленина имя его не присваивалось ни одной области, ни одному району или городу»². Данное утверждение является ошибочным, поскольку еще при жизни Ленина его именем были названы небольшие населенные пункты. К примеру, город Талдом Московской области в 1918–1931 гг. назывался Ленинск³. Несмотря на то, что в тексте «Указа» явно транслируется образ Ленина как скромного

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г. «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. №28, ст. 662.

² Там же. Орфография сохранена.

³ Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917 – 1992). М., 1993. С. 142.

аскета, верного принципам и идеалам, вряд ли его составители осознанно умалчивали о небольшом городке на границе Московской и Тверской областей. Скорее имела место неосведомленность, учитывая, что с 1931 г. городу было возвращено дореволюционное название.

В «Указе» от 11 сентября 1957 г. признавалась необходимость прекратить присвоение географическим объектам, предприятиям и учреждениям имен государственных и прочих деятелей при их жизни. Таким образом, был осуществлен кардинальный слом в советской традиции наименования. Идеологическая функция номинации трансформируется. Вместо восхваления и культа главным аспектом становится мемориализация. «Указом» было установлено, что впредь присвоение имен может производиться «только посмертно в целях увековечивания памяти особо выдающихся государственных, общественно-политических деятелей [...] и лишь в исключительных случаях по ходатайствам трудящихся»¹. «Указ» также регламентировал порядок присвоения имен разным объектам государственными структурами, в зависимости от их административного статуса.

Примечательно, что деполитизация советской топонимической практики, понижение её идеологического накала и лишение тесной связи с партийной борьбой были результатом этой же самой борьбы. В июне 1957 г. состоялось отстранение от занимаемых должностей ряда видных государственных и партийных деятелей, что вошло в историю под ставшим хрестоматийным названием «антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова». После победы Хрущева над своими политическими противниками были переименованы населенные пункты, учреждения, названные в честь выше упомянутых членов

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г. ...

«антипартийной группы». Из наиболее крупных переименований стоит выделить возвращение городу Молотов названия Пермь¹.

После вступления в силу «Указа» начали переименовываться населенные пункты, названные в честь «ныне живущих деятелей», и чья политическая карьера не закончилась в 1957 г. В 1958 г. Ворошиловграду было возвращено название Луганск. В 1970 г., после смерти Климента Ефремовича, город вновь был переименован в Ворошиловград².

Таким образом, после издания «Указа» топонимические практики перестали быть средством столь явной идеологической борьбы. Определение роли и значимости личности с этого момента осуществлялось постфактум, попасть в «пантеон» для советских руководителей теперь можно было лишь после смерти. Однако стоит признать, что изданию «Указа» способствовала не только политическая борьба, и попытки символически закрепить её результаты, но и очевидная усталость работников государственных органов от бесконечной чехарды в названиях. Неслучайно, что в указе использован термин «упорядочение», в котором прочитывается очевидное стремление навести «порядок» и определить устойчивые названия географических объектов. Это косвенно подтверждается Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1964 г., в котором «в целях наведения надлежащего порядка в наименованиях и переименовании...» Президиум дает рекомендацию руководству союзных республик и областных советов исполнять положения Указа Президиума Верховного Совета от 11 сентября 1957 г.³

В этот же период начинается процесс десталинизации. По всей стране сносятся памятники Сталину, снимаются портреты, барельефы, картины и прочие символические средства возвеличивания славы «вождя народов».

¹ Пospelов Е.М. Указ. соч. С. 113.

² Там же. С. 90.

³ О порядке наименования и переименования краев, областей, районов, а также городов и других населенных пунктов, предприятий, учреждений и организаций (Из Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1964 г.) // Никонов В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М., 2011. С. 177.

Вопреки распространенному стереотипу, данное явление не является прямым следствием знаменитого доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Символы, олицетворяющие культ личности Сталина в топонимике, начинают исчезать только с 1961 г., когда состоялся XXII съезд КПСС, окончательно осудивший сталинскую политику. Заседания съезда закончились 31 октября 1961 г., и в ночь на 1 ноября тело Сталина было вынесено из мавзолея и перезахоронено у Кремлевской стены. Уже 9 ноября город Сталино и Сталинская область переименованы в Донецк и Донецкую область соответственно¹. Столь же оперативно меняют названия Сталинабад (Душанбе), Сталинири (Цхинвали), Сталинск (Новокузнецк)². Также 10 ноября 1961 г. состоялось переименование Сталинграда в Волгоград. А.В. Липатов отмечал, что присвоение городу-герою нового имени происходило довольно противоречиво³. С одной стороны, на передовицах местной печати демонстрировалось единодушное стремление рабочих избавить свой город от имени отступника от основ ленинизма. С другой, основываясь на более поздних воспоминаниях, автор показывает, что имели места случаи протеста, особенно среди студентов-историков. Однако этот протест исчез же столь стихийно, как и возник. Автор попытался показать, что название «Волгоград» является навязанным городу, придуманное в центре, и прижилось далеко не сразу⁴.

В свете выше изложенного самим собой формируется вопрос: а как менялась позиция руководства на местах вслед за новыми веяниями? Для решения поставленной задачи вынужденным становится обращение к делопроизводственной документации. Однако документация – источник достаточно скупой, и понять логику принятия того или иного решения

¹ Поспелов Е.М. Указ. соч. С. 167.

² Там же. С. 60, 158, 83.

³ Липатов А.В. Сталинград – Волгоград: история переименования города-героя 10 ноября 1961 г. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. №10. С. 209–215.

⁴ В то же время, выражая личное отношение к данному вопросу, автор подчеркивает, что «Волгоград» – это то название, которое примеряет противников и оппонентов Сталина, и поэтому является наиболее удачным.

получается далеко не всегда. Необходимо помнить, что конструированием образов, идеологической политикой в любом случае занимается человек. Чтобы обнаружить его мотивацию среди массива сухой делопроизводственной документации, требуется учитывать контекст эпохи, сопоставлять данные с другими источниками.

На микроуровне можно детально рассмотреть логику принятия решений, ход мыслей каждого конкретного человека. Увидеть, как причудливо порой сочетаются установки сверху с теми принципами, которыми руководствуется провинциальный руководитель. При анализе явлений микроуровня открываются возможности для определения наиболее приоритетных ценностей советского человека в то время. Сохранялось ли четкое следование принципам государственной идеологии, или же имело место от диктата из центра? Непосредственно обращение к локальной топонимике позволяет обозначить проблему мемориализации в советскую эпоху, а, следовательно, приблизиться к пониманию того, какие исторические события, личности были важны в то время, и чем руководствовались власти при формировании образов и символов в городском пространстве.

Обращение к 1970-м гг. в качестве примера вызвано несколькими причинами. Если в те же 1920-е гг. переименование улиц было делом революционным, инициировалось и осуществлялось разными силами в союзе с новой революционной властью, то в 1970-е гг. являются примером явного «окостенения». Именование улиц все больше утрачивает свою политическую остроту и переходит всецело в руки местных властей. Именно с этим связано обращение к делопроизводственной документации местных органов власти.

Период 1970-х гг. стал временем своеобразного расцвета практики мемориализации. После волны десталинизации в 1950–1960-е гг., практика наименований и переименований окончательно получает юридическое оформление, о чем было сказано выше. Прекращение присвоения

именований в честь ныне живущих деятелей стало наиболее актуальным именно к 1970-м гг., когда из жизни стали уходить значимые для советской истории личности, такие как К.Е. Ворошилов, Г.К. Жуков и другие. Свое влияние на содержание и значение новых топонимов оказывали приближающиеся юбилеи 30-летия Победы и 70-летия Октября.

В 1970-е гг. Омск становится городом, число жителей которого превышает 1 миллион человек¹. К тому времени окончательно сформировавшийся как один из крупнейших административных и промышленных центров РСФСР, Омск является городом, вобравшим в себя как общие, типологические черты крупного советского города, так и региональные и локальные особенности.

К 1970-м гг. топонимические практики в городах имели четкую регламентацию. Наименование и переименование улиц относилось к деятельности райисполкомов, утверждал или отклонял их решение горисполком². В те годы председателем Омского горисполкома был Иван Федорович Литвинчев (1973–1982 гг.), и на время его руководства приходится период бурного развития города³.

Поэтому для рассмотрения заявленной проблемы и следует обратиться к делопроизводственной документации, а именно к документам исполкома Омского городского Совета. Это позволит узнать событийную сторону принятия решений о переименованиях, понять механизм их выработки и раскрыть принципы, которыми руководствовались власти при осуществлении практики мемориализации в городской топонимике.

В Историческом архиве Омской области содержится отдельный фонд горисполкома – №235. Заботу об именовании улиц традиционно относят к топонимическим комиссиям. Правда, при обращении к делам фонда было обнаружено, что никакой топонимической комиссии при исполкоме не

¹ Энциклопедия города Омска: в 3 т. Т. 1. От прошлого к настоящему. Омск, 2009. С. 469.

² Улицы города Омска. Омск, 2008. С. 7.

³ Энциклопедия города Омска: в 3 т. Т. 3. Омск в лицах. Омск, 2011. С. 44.

существовало. Подобные комиссии начнут образовываться в советских городах только в период «перестройки». Путем анализа решений исполкома о наименовании или переименований улиц было не трудно прийти к выводу, что данная деятельность была сосредоточена в рамках одного из важнейших подразделения горисполкома, а именно Управления коммунальных предприятий и благоустройства.

Существует отдельный фонд №74 Управления. Дела фонда распределены по годам и среди них встречаются «Документы о наименовании и переименовании улиц города» за 1973–1976 гг. В фонде №74 Управления содержится 4 дела (№№ 476, 545, 576, 605) объемом от 8 до 69 листов за период 1973–1976 гг., относящихся к деятельности по наименованию и переименованию улиц. Однако отдельные дела о переименовании улиц встречаются и в фонде №235 горисполкома.

Среди этих документов можно выделить несколько разных групп: решения горисполкома об именовании улиц; переписку Управления с райисполкомами и горисполкомом, его внутренние распоряжения; а также прошения граждан о переименовании той или иной улицы.

Первая группа документов – решения горисполкома о переименовании и наименовании улиц. Здесь содержатся как утвержденные решения горисполкома, так и оставленные без подписи документы, а также проекты переименования той или иной улицы. Язык этих документов можно назвать «советским канцелярским». За этим сухим слогом порой сложно найти и понять логику мышления составителей, выявить принципы, которыми они руководствовались при принятии решений. Текст печатный, однако, поверх него нередко встречаются надписи от руки – различные комментарии, отклонен или принят тот или иной проект. Эти подписи представляют особую ценность, поскольку именно они позволяют понять приподнять ту самую завесу тайны, создаваемую канцелярским языком.

В 1973 г. в Горисполкоме обсуждался вопрос о переименовании одной из улиц Советского района в улицу имени Поморцева¹. Владимир Поморцев – рядовой Внутренних Войск МВД, погибший при исполнении служебных обязанностей. Рискуя жизнью, он пытался остановить опасного преступника. В документах имеется приложение, в котором описывается то, как рядовой Поморцев, преследуя с напарником на мотоцикле преступника, прыгнул с коляски на подножку автомобиля, пытаясь выключить зажигание. Но преступник в итоге его сбросил и рядовой погиб. Решение о переименовании было принято, и горисполком просил Облисполком его утвердить. Однако уже утвержденное решение по неизвестным причинам было отклонено².

Вскоре же было принято решение о переименовании улицы Почтовой в улицу имени Колущинского, скончавшегося в 1973 г.³ Евгений Петрович Колущинский – первый секретарь Омского Обкома КПСС в 1955 – 1961 гг., член ЦК партии, член КПСС с 1927 г. Фигура Колущинского весьма знаменита среди омичей как нарицательный пример советского номенклатурщика. Именно по его решению были снесены оригинальные Тарские ворота, архитектурный объект XVIII в., часть Омской крепости. Облисполком без всяких замедлений принял это решение; вскоре оно было реализовано на практике⁴. Такая ситуация наглядно характеризует принципы, которыми руководствовались местные власти. Традиционный в советской практике образ героя, жертвенника оказывается не востребованным, уступая место увековечиванию памяти членов номенклатуры.

Вторая группа – документы, связанные исключительно с деятельностью Управления по благоустройству. Именно здесь содержится информация, которая позволяет узнать, что происходит между инициативой о переименовании и опубликованием готового решения. В этих документах

¹ ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 476. Л. 37.

² ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 476. Л. 38.

³ ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 476. Л. 41.

⁴ Улицы города Омска. Омск, 2008. С. 85.

содержатся определенные требования Управления к тем или иным инстанциям; язык не такой официальный, как в готовых решениях. Хотя и в этих документах сохраняется определенный порядок советского делопроизводства. Также как и в предыдущем случае, особую ценность представляют сделанные сотрудниками Управления поверх печатных документов подписи чернилами.

Показательна история с образованием улицы имени героя Советского Союза Ю.В. Тварковского. Раньше она именовалась Клубной, и была переименована в 1975 г., к 30-летию Победы¹. Однако изначально решение было принято еще в 1965 г., к предыдущему юбилею². Несмотря на его официальную публикацию, улицы с таким названием на деле не существовало. Эта ситуация особенно возмущала близких героя. Брат Юрия Викторовича написал письмо председателю исполкома горсовета Литвинчеву письмо с просьбой прояснить ситуацию. В итоге Управление спешно было вынуждено решать проблему, поднимать документы за 1965 г. и заново принимать решение о переименовании, обращаться и в райисполкомы, и в горисполком. Такая же ситуация была с улицей имени Лисицкого в 1968 г. Решение было принято, но переименование не осуществлено. Инициатором реализации давно принятого решения тогда выступила комсомольская организация города³.

Юбилейная тема является наиболее актуальной в топонимике этих лет. Управление отдельно отчитывалось перед горисполкомом о переименованных улицах в каждом районе города за 1965 г. специально к 20-летию Победы⁴. На 1975 г. была также назначена целая программа мероприятий, в рамках которой появились улицы Тварковского, Марченко, Волгоградская и Новороссийская (в честь городов-героев). Планировались

¹ Улицы города Омска. Омск, 2008. С. 102.

² ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 576. Л. 4.

³ ИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 4097.

⁴ ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 545. Л. 2.

именования в честь Сентюрина (ветеран партии) и Перелета (летчика-испытателя, Героя Советского Союза)¹.

Третья группа. Прошения граждан, как правило, поступали в редакцию газеты «Омская правда», которая переправляла их в горисполком. Отсюда начиналась долгая процедура прохождения идеи о переименовании через различные инстанции. За счет прошений граждан были образованы многие улицы, в том числе Маршала Жукова², отклонено прошение о переименовании улицы в честь Героя Войны Петра Ермака³.

Однако большинство предложений отвергалось. Дело в том, что само по себе обращение граждан в горисполком напрямую или через письмо в «Омскую правду» не имело юридического основания для подготовки решения о переименования. Согласно установленной процедуре, прописанной в документах горисполкома, предложения о переименованиях улиц должны исходить из райисполкома и утверждаться районным советом. После этого их утверждает горисполком. В свою очередь, именование в честь государственных деятелей и героев Советского Союза должно утверждаться еще и областным исполнительным комитетом. В этом прослеживается аналогия с утверждением названий городов, порядок которого был прописан в указах и постановлениях Президиума Верховного Совета СССР в 1950–1960-х гг.⁴

Примечательным является письмо гражданина Токаря с просьбой переименовать улицу Третьяковскую в улицу имени Косенкова Петра Георгиевича, героя Советского Союза. Обращение из редакции «Омской правды» направлено в горисполком, а оттуда передано в Управление.

¹ ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 576. Л. 8, 13, 16.

² Г.К. Жуков умер в 1974 г., а улица, названная в его честь, в Омске появилась в 1975 г. См.: Улицы города Омска ... С. 43.

³ ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 576. Л. 25.

⁴ Согласно Указу 1957 г. «краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам присвоение имен производится Президиумами Верховных Советов союзных республик». В свою очередь: «государственным предприятиям, железнодорожным станциям и другим объектам и организациям общесоюзного подчинения присвоение имен производится Советом Министров СССР».

Инженер Управления Иванов А.Б. составил ему ответ, в котором расписал порядок переименования улиц в городе: «Все предложения по наименованиям улиц подаются в исполнительный комитет районного совета того района, на территории которого находится рассматриваемая улица. Райисполком рассматривает предложение и принимает решение: отклонить или присвоить. В случае принятия предложения, решение райисполкома согласовывается с Управлением коммунальных предприятий и благоустройства и Омским отделением Всесоюзного географического общества и направляется в исполком Горсовета для утверждения»¹.

Таким образом, Омское отделение Всесоюзного географического общества также принимало участие в деятельности по именованию улиц города. Действительно, на многих решениях исполкома, помимо подписи его председателя Литвинчева, имеется строка «Согласовано с Управлением коммунальных предприятий и благоустройства и Топонимической комиссией Всесоюзного географического общества». Для выявления роли ВГО в номинации городских улиц необходимо обращение к документам его Омского отдела, хранящихся в фонде №1075 Исторического архива Омской области.

Отчеты о деятельности отдела за 1970-е гг. отсутствуют по невыясненным причинам; но в отчетах за 1982 г. находим следующее: в период 1980/1981 гг. Топонимическая комиссия ВГО работу не проводила, в связи с болезнью её председателя Виктора Петровича Шубенко.

Сохранились протоколы заседаний общества в 1970-е гг. В протоколе №15 отчетного собрания Омского отдела ВГО от 6 апреля 1975 г. приоткрывается завеса тайны участия членов ВГО в переименовании улиц². К отчету Ревизионной комиссии (Сигутов П.Т.) был задан такой вопрос: «В Отделе есть Топонимическая комиссия, почему переименования улиц города

¹ ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 576. Л. 55.

² ИАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 106. Л. 54.

проводятся без её участия? Переименована улица Почтовая (*в Колушинского – прим.*), с богатым историко-революционным прошлым, комиссия, как видно, не участвовала в этом». И ответ: «Горсовет адресуется, но комиссия нуждается в пополнении членами, был период, когда был один В.П. Шубенко, который долго болел». В протоколе №16 общего собрания действительных членов Омского отдела Географического общества от 6 октября 1975 г. говорится: «Слушали: тов. Ивлев говорил о том, что в городе исчезают некоторые названия улиц, причем изменения названия улиц не всегда целесообразны. Слушали: Филков Д.Н. напомнил о том, что этими вопросами занимается топонимическая комиссия Омского отдела, председателем которой является В.П. Шубенко, но в связи с его болезнью вопросы не решались»¹. В 1977 г. член ВГО Фалькович Н.С. вновь говорил о необходимости активизации топонимической комиссии. Сам председатель комиссии Виктор Петрович Шубенко появляется на собраниях только в 1979 г., во время заседания отчетно-выборной комиссии. Он выступил с оправданием, и указал на то, что теперь в Горисполкоме существует другая комиссия, которая утверждает изменения в названиях улиц².

Таким образом, Топонимическая комиссия Всесоюзного Географического общества, хотя и была отмечена в документах горисполкома о переименовании улиц, в реальности никакого участия в выработке этих решений не принимала. Эти решения оставались всецело в руках органов власти, и общественная инициатива могла лишь косвенно влиять на этот процесс, отправляя письма в газету. Но на одно принятое прошение о переименовании той или иной улицы от граждан приходится несколько отклоненных. Топонимическая комиссия ВГО, казалось бы, должна была контролировать ситуацию, однако в силу определенных причин, не участвовала в этой деятельности на протяжении всех 1970-х гг.

¹ ИАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 106. Л. 64.

² ИАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 108. Л. 53.

Мемориальная политика с конца 1950-х гг. становится основной советских топонимических практик, что обосновывается установлением жестких юридических рамок и повышенный контроль органов власти за сферой номинации. Однако стоит отметить, что увековечивание памяти того или иного лица происходило и в предыдущие периоды советской истории¹. Но вплоть до 1957 г. это не было столь явной и доминирующей тенденцией, что позволяет говорить о начале нового этапа, характеризующегося собственной спецификой.

3.2. Переименования периода «перестройки»: конец советской топонимики?

В настоящее время в обществе наблюдается новый виток осмысления событий периода «перестройки» в отечественной истории. Это вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, сформировалось целое поколение, для которого такие события как «перестройка» и распад СССР уже являются историей. Во-вторых, значительная историческая дистанция дает возможность взглянуть со стороны на протекавшие в обществе процессы и обнаружить предпосылки современных явлений.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. канонический образ толкования истории в советском обществе, а также связанные с ним практики его воплощения, начал размываться. С изменением политики партии и провозглашением курса на «перестройку» получают развитие новые общественные процессы. С 1987 г. в советской действительности начинает воплощаться принцип «гласности», что повлекло за собой широкое обсуждение различных вопросов общественной жизни в прессе и публицистике. Особую актуальность получают вопросы отечественной

¹ Достаточно того факта, что политика переименования с них и началась: вспомним декрет «Об увековечивании памяти комбрига Юдина» от 12 августа 1918 г.

истории, её так называемые «белые пятна». Как логическое продолжение бурных дискуссий на историческую тематику большую популярность стала приобретать тема исторической топонимики. Помимо сугубо краеведческих работ и газетных очерков публиковались работы таких ученых, как В.П. Нерознак и Д.С. Лихачёв¹. В 1989 г. была проведена всесоюзная конференция «Исторические названия – памятники культуры». Выступавший с докладом Д.С. Лихачёв высказал ряд тезисов, которые легли в основу современной историографии об исторической топонимике. Он подчеркнул необходимость отнесения исторических названий к памятникам, которые нуждаются в охране государства. Также Лихачёв отметил, что советские названия постепенно приходят в противоречие с «новым мышлением», а многие из них являются анахронизмами, отражающие атрибутику времен «культы и застоя».

Возглавляемый Лихачёвым Советский фонд культуры в этот период выступал в качестве одного из основных акторов переименований и возвращения дореволюционных названий. Местные отделения фонда, помимо прочей культурно-просветительской деятельности, выступали с собственными инициативами переименования городских улиц советских городов.

С.А. Фостова писала о «настоящем информационном буме» в сфере исторических названий, охватившем Калининградскую область в период перестройки². Фактором, стимулирующим полемику о пересмотре советской топонимики, автор назвала Совет по топонимии при Советском фонде культуры, инициировавший возвращение исторических названий

¹ Нерознак В.П. Названия древнерусских городов / Отв. ред. акад. Д.С. Лихачев. М.: Наука, 1983. 208 с.; Лихачев Д.С. Исторические названия – наследие духовной культуры народа // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры». 17-20 апреля 1989 г.: Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1989.

² Фостова С.А. Городская топонимика Калининграда как элемент советской политики памяти (1945–1991 гг.) // Городская топонимика России как объект культурного наследия: история и судьбы топонимики городов и современные проблемы возвращения исторических названий: Мат-лы Всерос. краеведческой науч.-практ. конф. (Москва-Звенигород, Московская обл., 22-23 июня 2018 г.). М.: ИЦ «Краеведение», 2019. С. 160.

населенным пунктам. Тогда в калининградской прессе впервые заговорили о возможности назвать улицы именами известных и почитаемых в советском обществе немецких деятелей культуры, таких как Бетховен, Бах, Гёте и других.

Помимо Фонда культуры схожую работу проводили и другие общественные организации. Их вклад далеко не везде был одинаковым, и далеко не всегда приводил к достижению результата. Однако именно они создавали общий культурный фон, раскачивали, казалось бы, застывшую официальную память.

Пример сравнения ситуации с переименованием городских улиц в период «перестройки» в крупнейших городах Сибири: Омска и Новосибирска, позволит увидеть, как протекали общие тенденции трансформации топонимики в стране при наличии особой региональной и локальной специфики, присущей каждому городу в отдельности.

Обращение к периодической печати в качестве источника для рассмотрения этой проблемы вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, основные свойства периодики – многоплановость представленной информации, разнообразие жанров, её синтетический характер, дают возможность обратить внимание на различные проявления общественной жизни города, связанные с проблемой исторического сознания. Во-вторых, оперативность публикаций в печати позволяет отслеживать динамику изменения общественного мнения в деталях, шаг за шагом, в точной привязке ко времени. В-третьих, что наиболее важно, периодическая печать может обеспечить обратную связь с читателем. Горожане пишут письма в газету, в которых выдвигают свои предложения по переименованию улиц, высказывают свое мнение, в том числе по вопросам исторической памяти.

При работе с периодической печатью двух избранных для анализа городов был осуществлен фронтальный просмотр всех выпусков газет «Вечерний Новосибирск» за период 1987–1991 гг. Акцент сделан на

специальные рубрики, где редакция публиковала письма и заметки читателей. Среди них обнаружено значительное количество публикаций, в которых содержатся предложения переименования тех или иных улиц города. Данные приведены в таблице.

*Таблица 2**

**Газетные публикации в «Вечернем Новосибирске»
на тему переименования городских улиц**

	Годы выпуска газеты «Вечерний Новосибирск»				
	1987	1988	1989	1990	1991
Количество публикаций	17	14	21	26	5

*Составлено по результатам фронтального просмотра газеты «Вечерний Новосибирск» за период 1987–1991 гг.

В рассматриваемый нами период Новосибирск являлся крупнейшим городом Сибирского региона и одним из крупнейших городов страны. Он был основан в 1893 г. как Новониколаевск, и своим возникновением всецело обязан строительству Транссибирской железнодорожной магистрали. Железная дорога обеспечила бурный рост города уже в первые десятилетия его существования. К 1920-м гг. он превратился в крупный экономический и административный центр. Признаваемый уже тогда «столицей Советской Сибири» Новосибирск в своем развитии воплощал черты, характерные как для сибирского региона, так и для всей страны в целом. Местная специфика здесь тесно соприкасалась и переплеталась с общегосударственными тенденциями.

Определение роли инженера Н.Г. Гарина-Михайловского в освоении города Новосибирска являлось одной из наиболее обсуждаемых тем на страницах местной периодической печати и в краеведческих работах на

протяжении всего периода 1987–1991 гг.¹ Постановка под сомнение правомочности считать Гарина-Михайловского основателем города во многом задавала тон развитию исторической памяти новосибирцев. Отсутствие общепринятой точки зрения на то, как и при каких условиях возник город, кто является его основателем, побуждает людей к поиску новых оснований, ценностных ориентиров для самоопределения себя как горожан. Это также вынуждало интересующихся историей обращаться к более мелким фактам, деталям городской жизни, придавать важное значение названию любой улицы.

Схожая ситуация сложилась и в Омске. В общественном мнении города также разворачивалось обсуждение вопросов, касающихся темы сохранения историко-культурного наследия, возвращения исторических названий улиц. Однако условия для подобного обсуждения в Омске были несколько иными. Во-первых, функцию общественной площадки в Омске выполняли сразу две газеты: «Вечерний Омск», газета горкома/горсовета и «Омская правда», принадлежащая областным структурам. Во-вторых, город Омск был основан почти на 200 лет раньше Новосибирска, еще в начале XVIII века. Проблем, связанных с охраной историко-культурного наследия, у омичей было куда больше.

Помимо отличий в условиях, омская специфика проявилась и в содержании самих рассматриваемых процессов. Такого активного обсуждения, с рассмотрением одной и той же темы на протяжении нескольких лет, с ответами граждан друг другу на заметки в газету в Омске не было. Данная специфика была учтена при работе с источником. Осуществлен фронтальный просмотр газет «Вечерний Омск» и «Омская правда» за 1989 г. Однако количество выявленных заметок и писем в редакцию по теме оказалось незначительным.

¹ Наумов С.С. Материалы личных фондов представителей интеллигенции Омска и Новосибирска как источник по изучению памяти о прошлом // Преподаватель XXI век. 2019. №1-2. С. 269–270.

Вместо активности рядовых горожан инициаторами обсуждения вопроса о возвращении исторических названий были специалисты – ученые и краеведы. Также, в отличие от Новосибирска, заметное участие принимали общественные организации. С.С. Наумов отметил особую сплоченность и мобильность омских организаций в вопросах научно-просветительской и популяризаторской деятельности, что выливалось в инициативы возвращения исторических названий улочкам старого центра города. В Новосибирске же, в свою очередь, имело место активное участие гуманитарной интеллигенции в создании «фундаментальных представлений о культурном единстве, национальной идентичности и актуализации духовной жизни общества», что отвечало претензиям на «столичный статус» Новосибирска¹.

Одним из наиболее активных инициаторов возвращения исторических названий улицам города в Омске был писатель-краевед Иван Федорович Петров. С 1989 г. Петров активно начал сотрудничать с городской газетой «Вечерний Омск» и стал размещать статьи на тему исторической топонимики. За год до этого он опубликовал целую серию статей в «Омской правде» посвященных данному вопросу². Инициатива возвращения исторических названий была поддержана в печати. Однако никакого реального воплощения не получила. Тем временем, в городе Тара Омской области по решению горисполкома в 1989 г. было переименовано более 20 улиц. Член омского отделения Советского фонда культуры М.М. Хахаев, архитектор, автор «советского» герба Омска и инициатор восстановления Тарских ворот выступил с ответной заметкой, в которой призвал последовать примеру тарских коллег³.

¹ Наумов С.С. Интеллигенция сибирского города и культурно-просветительские организации в 1985–1991 годах (На примере деятельности Советского фонда культуры) // Интеллигенция и мир. 2016. №2. С. 121.

² Серия статей носила название «О малой родине и сыновнем долге»: Наумов С.С. Омское отделение Советского фонда культуры на рубеже 1980-х – 1990-х гг.: возрождение исторической памяти омичей // Вестник Культуры. 2012. №2. С. 5.

³ Омская правда. 1989. 9 августа.

В Новосибирске же инициативу, прежде всего, проявляли рядовые граждане, отправляя письма в газету. К примеру, в 1987 г. на страницах «Вечернего Новосибирска» развернулось широкое обсуждение, был поднят вопрос о необходимости переименований улиц города и возвращении им исторических названий, связанных с историей самого города. Эту дискуссию спровоцировало письмо в редакцию газеты некоего инженера О. Путилова. В своей заметке он рассуждал о названии улицы «Ипподромной». Путилов предложил взглянуть «на карту города глазами патриотов, а не временных жильцов». Он высказал ряд идей по пересмотру существующих названий городских улиц, опираясь на пример Москвы, где возвращение исторических названий к тому времени уже набрало силу¹. Письмо Путилова вызвало отклик, и на протяжении всего рассматриваемого нами периода газета публиковала различные заметки горожан о той или иной улице когда-то переименованной, и потерявшей значение символа, отражающего локальную историю. В частности, наиболее упоминаемым является имя инженера и общественного деятеля Г.М. Будагова, сыгравшего видную роль в первоначальном развитии города. Предложение назвать улицы Новосибирска именами Будагова и Гарина-Михайловского высказала такая организация, как совет ветеранов локомотивного депо².

Во второй половине 1980-х гг. началось резкое повышение интереса к теме Великой Отечественной войны, в том числе обращение к ранее замалчиваемым сюжетам. Наряду с осуждением действий советского руководства в годы Войны фиксируется обратная тенденция. А именно стремление «защитить память», огородить от нападков извне такое значимое для исторической памяти событие как Война. В Новосибирске на местной почве это ярко проявилось в новом витке конструирования официальной памяти вокруг фигуры маршала А.И. Покрышкина, известного летчика-аса

¹ Вечерний Новосибирск. 1987. 25 мая.

² Вечерний Новосибирск. 1987. 19 октября.

Второй мировой, трижды героя Советского Союза. В.Г. Рыженко отмечала, что период подготовки к 100-летию юбилею города в 1993 г., т.е. период конца 1980-х – начала 1990-х гг., стал временем конструирования локальной памяти Покрышкина, а сам образ героя стал терять свою общегосударственную значимость¹. Наряду с широким празднованием юбилея Покрышкина², формированием музея его имени³, мемориализация коснулась и топонимики. Многие граждане предлагали переименовать всю ту же «Ипподромную» в улицу или проспект Покрышкина.

В 1988 г. в этом дискурсе вновь возникла улица «Ипподромная». В своем письме в газету от 11 января гражданин Петренко предоставил небольшой очерк с теплыми воспоминаниями об улице, но также высказался о необходимости её переименования, т.к. ипподрома там давно нет⁴. Он предложил назвать её улицей «какого-нибудь героя-земляка», поскольку рядом располагаются улицы Селезнева и Жилиной, названные в честь героев Великой Отечественной войны.

В 1989 г. жители Новосибирска активно обсуждали наименование строящихся новых станций метрополитена, которые носили утвержденные названия «Гагаринская» и «Площадь Калинина»⁵. В письме в редакцию от 27 февраля пенсионер Берилло пишет о том, что зачем называть станцию в честь Гагарина, когда «есть свой Покрышкин?»⁶. Назвать в честь Покрышкина предлагали и строящуюся станцию «Площадь Калинина», и саму площадь, и Заельцовский район в Покрышкинский⁷. Также имелись предложения изменить название строящейся станции «Площадь Маркса», в

¹ Рыженко В.Г. Александр Покрышкин – «Парень из нашего города»: локальные варианты сохранения памяти о героях Великой Отечественной войны // Культурологические исследования в Сибири. 2011. №3. С. 62–69.

² Вечерний Новосибирск. 1988. 5 марта.

³ Вечерний Новосибирск. 1988. 27 января.

⁴ Вечерний Новосибирск. 1988. 11 января.

⁵ Вечерний Новосибирск. 1989. 3 июля.

⁶ Вечерний Новосибирск. 1989. 27 февраля.

⁷ Вечерний Новосибирск. 1989. 31 июля.

связи с наметившимся пересмотром значения идей марксизма в советском обществе.

В Омске же тема Великой Отечественной войны в рамках городской топонимики развития не получила. Представители омских культурно-просветительских организаций выступали с различными инициативами, которые были связаны с темой Войны. Однако названия омских улиц они не затронули. Ведь в Омске подобные практики осуществлялись еще в 1970-е гг. (см. §1 данной главы).

Тем не менее, в обоих городах имели место и сходные по типу явления. Одна из строящихся станций метрополитена в Новосибирске должна была получить название в честь А.А. Жданова. Но в январе 1989 г. имя этого партийного функционера подверглось критике со стороны центральных властей. Было издано Постановление ЦК КПСС «Об отмене правовых актов, связанных с увековечиванием памяти А.А. Жданова»¹, что привязывалось к его роли в организациях массовых репрессий 1930-х гг. В Новосибирске это сразу встретило бурный отклик у горожан. В газету начали идти письма с требованием переименовать строящуюся станцию метро², улицу Жданова и ДК им. Жданова³. В качестве замен предлагались названия «Авиастроителей», «Маршала Жукова». Со временем настойчивые просьбы горожан были выполнены местными властями. Улицу Жданова переименовали в «Авиастроителей», а ДК остался без названия⁴.

С предложениями переименования омских улиц, помимо омского Фонда культуры, также выступало местное отделение Общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Заместитель председателя ВООПИК В.Г. Титов в феврале 1989 г., т.е. уже после выхода упомянутого выше постановления ЦК, опубликовал заметку в «Вечернем Омске», в

¹ Известия. 1989. 18 января.

² Вечерний Новосибирск. 1989. 26 января

³ Вечерний Новосибирск. 1989. 17 февраля.

⁴ Вечерний Новосибирск. 1990. 16 февраля.

которой предложил переименовать улицу Жданова. Титов высказал общую точку зрения Общества: назвать улицей братьев Зубовых, большевиков, участников восстания 22 декабря 1918 г. в Куломзино¹. А также предложил гражданам высказать свою позицию на страницах газеты или присылать письма в областной совет ВООПИК. В итоге, ситуация с улицей Жданова достаточно быстро разрешилась. Решением №135 Омского горисполкома «О возвращении исторических топонимов в названии улиц центральной части г. Омска» от 27 марта 1990 г., улица Жданова была переименована в улицу Игоря Москаленко², в честь погибшего воина-интернационалиста в Афганистане, проживавшего в том же районе города. Наряду с этим, в соответствии с названием решение горисполкома, были переименованы улицы Колущинского и В. Засулич в Почтовую и Ильинскую, т.е. возвращены «исторические названия». На принятие этого решения оказала влияние деятельность совета «Культурное наследие и современность» при омском отделении Советского фонда культуры³. Также в горисполком было подготовлено предложение присвоить улицам новостроек Левобережья имена П.Л. Драверта⁴ и А.Ф. Палашенкова от Совета краеведения омского отделения СФК⁵, однако реализации оно не получило.

Как и в случае с Новосибирском, переименование улицы Жданова было осуществлено во многом благодаря инициативе снизу. Но если в городе на Оби единая позиция граждан не вызывала сомнений, то в Омске ситуация была не такой однозначной. Студент Омского государственного университета А. Бурляев в 1989 г. провел опрос среди жителей тогда еще

¹ Вечерний Омск. 1989. 4 февраля.

² Улицы города Омска ... С. 180.

³ Наумов С.С. Омское отделение Советского фонда культуры на рубеже 1980-х – 1990-х гг.: возрождение исторической памяти омичей // Вестник Культуры. 2012. №2. С. 5.

⁴ Одной из улиц омского Левобережья было присвоено название бульвар Драверта еще в 1983 г., однако вскоре она была переименована в бульвар Архитекторов, т.к. городские власти внезапно вспомнили об «эсеровском прошлом» известного ученого. См. об этом: Улицы города Омска ... С. 26.

⁵ Назарцева Т.М. Деятельность совета краеведения омского отделения фонда культуры (1988–1997) // Вестник Культуры. 2012. №2. С. 3.

улицы Жданова на тему возможного переименования¹. Представленные в заметке мнения показывают, что большинство вообще равнодушно относится к каким-либо переименованиям, рассматривая это как игру для «верхов». Зафиксирована и такая позиция: несмотря на отрицательное отношение к Сталину и репрессиям, переименовывать не нужно – потому что привыкли. Студент А. Бурляев выразил и свое личное мнение, в соответствии с духом «перестройки» – отказаться от сталинского наследия. В подтверждение своей позиции он привел слова поэта Евгения Евтушенко: «Мы трагически не можем вернуться в прошлое, чтобы предупредить его о будущих бедствиях, но мы можем и обязаны предупредить это в будущем. Наши усилия должны помочь осуществится перестройке во всей её полноте. Наша задача – воспитать у своих соотечественников гражданственность».

К слову, сам Евтушенко в том же 1989 г. приезжал в Омск и высказался на счет переименования омских улиц. Находившийся тогда на очередном витке популярности, поэт выступал в Омске и оставил заметку для «Вечернего Омска»². Выразив свое восхищение литературным музеем Достоевского, музеем изобразительным искусств и творчеством омских художников Уфимцева, Брюханова, Владимирова, Евтушенко пишет о посетившем его недоумении после обнаружения отсутствия в Омске дома-музея Леонида Мартынова. Высказав идею основания подобного учреждения, поэт попутно предложил улицу с «безликим формальным названием» Красных Зорь переименовать в улицу Мартынова. Мотивация объясняется расположением на этой улице дома, в котором прошло детство прославленного сибирского поэта. Единственный ответ на это предложение Евтушенко поступил в газету в марте 1989 г. Жительница Омска Н. Анохина написала письмо, в котором предлагает оставить «красивое название» Красных зорь, а имя Мартынова присвоить другой улице. Время показало,

¹ Вечерний Омск. 1989. 1 апреля.

² Вечерний Омск. 1989. 17 января.

что позиция омички Анохиной победила позицию известного поэта Евтушенко в этой скромной дискуссии: в 1995 г. в Омске появился Бульвар Мартынова, выделенный из части улицы Чокана Валиханова¹.

В Новосибирске же реальных переименований городских улиц в рассматриваемый период не произошло (за исключением улицы Жданова), несмотря на более бурное обсуждение. Отличителен и тот факт, что в Новосибирске, помимо инициатив «снизу», наблюдалось и обратное движение. В 1990 г. редакция газеты «Вечерний Новосибирск» сама призвала читателей к выбору названий для строящихся станций метрополитена². Власти города инициировали общественное обсуждение через газету. В итоге это голосование и предопределило наименование станций: рабочее название «Площадь Калинина» было изменено на «Заельцовскую», активно предлагали изменить титулование и самой площади. Определиться с переименованием «Гагаринской» горожане так и не смогли, большинство предлагало свои различные варианты. «Площадь Маркса» также сохранила свое название.

Такое голосование стало первой попыткой городских властей прислушаться к мнению граждан относительно формирования системы городских названий. Разброс мнений, в итоге, не позволил народному голосованию кардинально изменить ситуацию. Однако был задан прецедент, и новосибирские власти будут реализовывать подобные практики в дальнейшем. Также проблема именования станций метрополитена окончательно обозначила необходимость создания специальной комиссии при горисполкоме, которая бы занималась подобными вопросами. Топонимическая комиссия при горисполкоме действительно была создана в Новосибирске в 1991 г. и работала в последующие годы³, однако судить о реальных результатах её работы не представляется возможным. Вопрос о

¹ Улицы города Омска ... С. 69.

² Вечерний Новосибирск. 1990. 14 февраля.

³ Вечерний Новосибирск. 1993. 22 января.

топонимических комиссиях является достаточно перспективным для изучения общественного мнения и динамики изменения исторических представлений, и требует отдельного исследования.

В 1991 г. продолжали реализовываться тенденции, которые набрали ход в предыдущие годы. В редакцию «Вечернего Новосибирска» по-прежнему поступали письма, в которых содержался призыв к переименованию того или иного городского объекта. Несколько запоздалым выглядело коллективное письмо ветеранов войны и труда с просьбой назвать станцию метрополитена «Площадь Победы»¹.

Параллельно с этим продолжаются попытки декоммунизации, с предложением заменять именованья в честь советских вождей такими названиями, которые бы символизировали собой местную историю. Так, на протяжении 1991 г. в редакцию газеты поступали письма, взывающие к переименованию площади Свердлова, на которой расположен архитектурный ансамбль зданий спроектированных при непосредственном или косвенном участии архитектора А.Д. Крячкова, в Александровскую². К тому времени в Новосибирске уже был восстановлен Собор Александра Невского. Этот святой считался небесным покровителем города. А также название «Александровская» должно было апеллировать к императору Александру III, инициатору строительства Транссибирской магистрали, давшей жизнь городу.

Пример перестроечного Новосибирска демонстрирует наличие двух тенденций, развивающихся в советском обществе. С одной стороны присутствует явная попытка декоммунизации, отказ от советской идеологии. С другой – заметна противоположная тенденция, суть которой сводится к отчаянному стремлению сохранения старых ценностей и отказом от радикальных преобразований. Наиболее ярка она проявляется в постоянной

¹ Вечерний Новосибирск. 1991. 11 января.

² Вечерний Новосибирск. 1991. 18 января.

апелляции к Великой Отечественной войне как некому сакральному символу, неподдающемуся осуждению и деидеологизации. При этом, для обеих тенденций характерно стремление преобразовать официальную память в духе локальной истории, зафиксировать важные фигуры и символы из истории города, которые ранее в советской практике не получили должного освещения. Работа перестроечной прессы и публицистики в период «гласности» активно способствовала распространению этих представлений публикацией материалов, связанных с местной историей.

Можно выделить несколько ярких отличий ситуации с возвращением исторических топонимов в Омске. Во-первых, главными инициаторами переименований улиц, в отличие от Новосибирска, выступали не простые граждане, а краеведы и общественные организации, занимающиеся вопросами охраны историко-культурного наследия. При этом полемика в вопросах переименования не была такой ожесточенной и яркой на страницах омских газет, как это было в Новосибирске. Во-вторых, однако, такое положение вещей привело к реальным результатам. Еще до распада СССР, вне всякого антикоммунистического контекста, были возвращены исторические названия некоторым улицам в центре города. Этот факт прямо обосновывается предыдущим положением: краеведческие организации имели больше возможностей для оказания давления на городскую администрацию, были сплоченными и добивались своего на протяжении нескольких лет. Более длинная история Омска давала куда больше оснований для подобных практик, нежели стремительное, но относительно короткое развитие Новосибирска. Иными словами, широкое обсуждение проблем именования городских улиц, возвращения исторических названий в Новосибирске не имели практического воплощения. В отличие от Омска, где более умеренное обсуждение, по сути, в узком кругу специалистов, повлекло за собой реальные результаты и возвращение исторических названий.

Уже тогда локальная тематика стала превалировать над общегосударственной даже в условиях бурных политических потрясений. Чем это было вызвано? Становящийся все более очевидным распад СССР и предшествующий ему процесс трансформации общественно-политической жизни страны, как мы считаем, породили определенный мировоззренческий слом. За ним кроется стремление человека уйти в иную реальность, попытка сосредоточиться на иных проблемах. Если невозможно повлиять на сохранение страны, на её судьбу как единой общности, то повлиять на конкретное локальное сообщество было в силах почти любого человека, не в последнюю очередь благодаря участию в обсуждении этих проблем в периодической печати. Зачем нам Гагарин, когда есть свой Покрышкин?

К слову, инициативы переименований, как улиц, так и самого города в Калининграде также оказались безрезультатны¹. Однако градус полемики здесь был куда выше, поскольку с вопросом «о Кёнигсберге» речь шла об отказе от завоеваний и пересмотре результатов Великой Отечественной войны, что задевало интересы и чувства куда большего круга людей, чем фигура того же Жданова.

Видным явлением излета советской эпохи стало возвращение дореволюционных названий крупнейшим российским городам. Еще в 1987 г. городу Устинов, просуществовавшему с таким именем всего три года, возвращено название Ижевск². В 1988 г. были изменены названия «мемориальных» Брежнева, Андропова, Черненко. Города стали снова называться Набережные Челны, Рыбинск и Шарыпово соответственно³. Калинин, Горький были переименованы в Тверь и Нижний Новгород в 1990 г.⁴, а Ленинград, Свердловск и Куйбышев в Санкт-Петербург, Екатеринбург и Самару соответственно уже в 1991 г.⁵

¹ Фостова С.А. Городская топонимика Калининграда... С. 164.

² Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917 – 1992). М., 1993. С. 68.

³ Там же. С. 96, 126, 161.

⁴ Там же. С. 143, 99.

⁵ Там же. С. 129, 127, 60.

Наиболее ярким и репрезентативным для характеристики данных явлений, пожалуй, является пример Ленинграда. Инициатива переименования города, в соответствии с общими тенденциями, пошла с «низов». Реальным актором переименования можно считать Ленинградский городской совет народных депутатов, председателем которого в то время являлся А.А. Собчак. В настоящее время распространено мнение, что именно Собчак был тем человеком, который «вернул городу его настоящее имя». Эта деталь является важной чертой образа первого мэра «самого европейского» русского города.

Однако сразу два депутата опровергают решающий вклад А. Собчака в переименование Ленинграда. Павел Цыпленков, депутат Ленсовета в 1900–1993 гг., оставил небольшой очерк о переименовании города в 1991 г.¹ В частности, он подчеркивал безразличие Собчака к изменению названия, пока этот вопрос не был поднят на заседании горсовета, в ходе которого было решено провести опрос среди горожан. В итоге опрос проходил совместно с первыми выборами мэра 12 июня 1991 г. Результаты показали, что 54% проголосовавших стоят за возвращение названия «Санкт-Петербург». Обсуждались и другие варианты по типу «Петербург», «Петроград» (А.И. Солженицын предлагал «Свято-Петроград» или же «Невоград»²), но на голосование было вынесено только общепринятое название. Другой депутат, Леонид Романков, в интервью «Газета.ру», высказал схожую точку зрения³. По версии автора публикации, Собчак воспользовался подъемом настроений, и уже после того как убедился в поддержке избирателями возвращения дореволюционного названия города, встал на сторону инициаторов. Более того, окончательное решение о переименовании было принято Ленсоветом

¹ Цыпленков П. «Вернуть городу Ленинграду историческое название...». Воспоминания депутата // Возвращая Россию. Восстановление исторических названий, памятников и других утраченных культурных ценностей. СПб., 2013.

² Поспелов Е.М. Указ. соч. С. 129.

³ «А с платформы говорят: это город Петербург». 25 лет назад Ленинград переименовали в СанктПетербург [Электронный ресурс] // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/09/05/10177931.shtml?updated> (дата обращения: 06.05.2019).

только после августовского путча. Решение требовало утверждения в Верховном Совете РСФСР, поскольку шла речь о внесении изменений в Конституцию. В спешном порядке, незадолго до ухода на парламентские каникулы, изменение название было утверждено председателем президиума Верховного Совета Р.И. Хасбулатовым 6 сентября 1991 г.

Таким образом, возвращение дореволюционных названий и отказ от исконно советских символов начался еще в период существования советской системы как политического строя. Это ставит нас перед проблемой определения верхней границы периода «мемориальной топонимики», и окончания «советского» как сущностной характеристики. Действительно, стоит задаться вопросом: может ли пересмотр советских именовании, возвращение дореволюционных топонимов относиться к советскому периоду? Является ли «перестройка» частью советской истории с точки зрения содержания разворачивающихся процессов?

Велик соблазн ограничить период «мемориальной топонимики» в рамках 1957–1987 гг. В данном случае верхней границей бы являлось начало «гласности». Это явление стало главной причиной огромного количества инициатив по переименованию городов и улиц, реставрации дореволюционных названий. Однако не будем делать поспешных выводов.

Дело в том, что в период «перестройки» практика переименования становится наиболее противоречивой и неоднозначной. Власть, прежде монолитная и целостная, утрачивает контроль над целым спектром общественных процессов. Но сфера идеологии, и привычный для нее инструмент конструирования официальной памяти – топонимика, по-прежнему были в ракурсе государственной политики. Ярким примером служит спешное переименование названий, связанных с А.А. Ждановым после постановления ЦК КПСС. Эти переименования были очевидным следствием политической конъюнктуры, и находились всецело в логике советского отношения к названиям. Такое решение было не более чем

продолжением практики, которая началась еще при Хрущеве, когда имена городов и улиц исчезали вместе с уходом их прототипов с политической арены – в буквальном и/или идеологическом смысле. Так, после поражения Берии в политической борьбе исчезли именованья в его честь. Имя Сталина предалось забвению после выступления Хрущёва на XXII съезде КПСС. Список примеров можно продолжить.

На наш взгляд, попытки власти во второй половине 1980-х гг. пересмотреть ряд именованья находятся всецело в рамках предшествующей традиции и следуют тем же принципам. За тем исключением, что теперь инициаторы переименований стремились не столько зафиксировать свою победу над политическим противником, сколько сыграть на общественных настроениях и набрать очков популярности. Изменились условия, обсуждение переименований стало открытым, но цели и принципы остались теми же.

Однако общество уже было мало готово к восприятию этих изменений именно как заслуги властных структур. Очевидно, что к концу 1980-х гг. вопросы переименования улиц находились вне рамок политической повестки, а власть сталкивалась с проблемами куда более масштабными, и подобные «мелкие дела» спускались вниз без должного контроля. На местах же ликвидация именованья в честь организаторов репрессий воспринималась как собственное достижение локального сообщества, а не забота и внимание центра. Это наглядно демонстрирует пример с отменой постановлений увековечивания памяти Жданова. Реальное переименование происходило там, где были заинтересованные в этом люди, т.е. общественные организации, занимающиеся сохранением историко-культурного наследия или равнодушные граждане. Во многих малочисленных городах Российской Федерации улицы Жданова сохраняются и по сей день.

В обществе отношение к названиям городов и улиц в период «перестройки» становилось все более заинтересованным, приобретает

характер цивилизационного выбора и упрочения собственной идентичности, самоидентификации себя с определенным местом. Это ярко проявляется в целой серии десоветизации названий уже упоминавшегося ряда городов в 1988–1991 гг.

Эта тенденция носила характер «восстановления исторической справедливости», была наполнена пафосом историзма, и «возвращения к корням». Во всем этом можно усмотреть антисоветскую направленность, поскольку, как правило, ликвидировались именованья в честь советских вождей, а заменялись они дореволюционными названиями. Таким образом, казалось бы, уже внутри советской эпохи возникли противоестественные для неё явления, и это вновь ставит вопрос о верхней границе.

Но для того, чтобы определить сущностное определение «советского» необходимо сравнение. Если обратиться к последующей практике, то становится понятно, что в 1990-е гг. никакой масштабной и явной декоммунизации не происходит. Отказ от огульной критики советского наследия был осознанным выбором новой власти. Не было новой «топонимической революции», нет явного разрыва со старым обществом, отрицания его как своего предшественника.

В 1990-е гг., как это не покажется странным, количество переименований улиц, в целом, снижается, а переименование городов и вовсе сходит на нет. Декоммунизация все больше охватывает бывшие советские республики, но слабо реализовала себя в рамках бывшего «центра», Российской Федерации. Для России характерен своеобразный «застой» в этой сфере.

Таким образом, на наш взгляд, стоит отнести переименования периода «перестройки» и возвращения дореволюционных названий с точки зрения смыслового наполнения непосредственно к советскому периоду. Значение названий городов и улиц для советского человека было куда выше, чем для россиянина. А возможностей для реализации подобных практик куда больше.

Такие ограничения, как «дороговизна» переименований, раскол общественного мнения мало волновали инициаторов возвращения названий российским городам на излете советской эпохи. Нигилизм важная составляющая сущности «советского». Раз был поставлен вопрос, есть важная цель, то любые средства будут применены для её реализации. Именно поэтому мы ограничиваем этап «мемориальной топонимики» 1991 годом.

Заключение

Прежде чем перейти к итоговым выводам, еще раз приведем предложенный в работе вариант периодизации топонимической политики советского государства:

- 1) «Топонимическая революция» 1917–1927 гг.
- 2) «Культовая топонимика» 1927–1957 гг.
- 3) «Мемориальная топонимика» 1957–1991 гг.

Данная периодизация, безусловно, является лишь одним из возможных вариантов взгляда на рассматриваемую в исследовании проблему. Помимо этого, необходимо помнить, что сама по себе периодизация есть только рабочий инструмент, позволяющий совершить попытку понять суть изучаемых вещей. Сами современники, естественно, не различали подобных этапов. Однако власть осуществляла настойчивые попытки контроля над сферой номинации в отдельные периоды советской истории по-разному, что мы и попытались показать и доказать в данной работе.

Период «топонимической революции», начавшийся в 1917 г. с приходом к власти большевиков, ознаменовал собой кардинальный слом традиции номинации. Первостепенное значение приобрела пропагандистская функция названия. Был сформирован принцип пантеона, в состав которого входил ограниченный круг лиц, в честь которых могли именоваться топонимы. Утвердилось нигилистическое отношение к любому названию, без учета его исторического и культурного значения. Все эти родовые черты советской традиции наименования проявили себя в дальнейшем в более радикальных формах.

Названия городов и улиц выступали в качестве своеобразных маркеров, отображающих текущее состояние политической раскладки. В годы «Большого террора» названия менялись несколько раз за год, поскольку их

прототипы теряли свое место в пантеоне. Эта практика, ставшая олицетворением сталинского режима в системе номинации, берет свое начало с 1927 г. и падения Л.Д. Троцкого с политического олимпа. Именно поэтому нижняя граница периода «культовой топонимики» определяется нами как 1927 г.

Мемориальная политика с конца 1950-х гг. становится основной советских топонимических практик, что обосновывается установлением жестких юридических рамок и повышенного контроля органов власти за сферой номинации. Издание в 1957 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен...», запретившего именованию в честь ныне живущих политических и иных деятелей, стало началом нового этапа и временем переориентирования ценностей.

Окончание этого этапа приходится на время прекращения существования СССР как государства. Это обосновывается отсутствием практики переименований в сколько-нибудь серьезных масштабах после 1991 г. Все дореволюционные названия были возвращены российским городам еще до распада Советского Союза. Декоммунизация охватила бывшие советские республики, но центр – Российская Федерация, оказался слабо подвержен подобным трансформациям.

Таким образом, советская традиция номинации оказалась жизнеспособной только в тесном взаимодействии с режимом. Советская власть придавала большое значение тому, как и в честь кого, называются города на подконтрольной ей территории. В разные периоды советской истории граждане проявляли заметную активность, и нередко влияли на выработку названий, как минимум на уровне улицы или городского района. Однако подобное трепетное отношение к названию уходит со сцены отечественной истории вместе с породившим его государственным строем. Сфера топонимики становится уделом достаточно узкого круга заинтересованных историков и краеведов, общественных организаций,

связанных с охраной историко-культурного наследия. Название более не является средством политической борьбы. Представители государственных структур разных уровней, как правило, не стремятся вести разговор о переименованиях, что связывается с нежеланием развязывать общественные споры, а также финансировать подобные мероприятия. Номинация потеряла свою тесную связь с политической идеологией.

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. «А с платформы говорят: это город Петербург». 25 лет назад Ленинград переименовали в СанктПетербург [Электронный ресурс] // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/09/05/10177931>. (дата обращения: 06.05.2019).
2. В редакцию газеты «Вечерний Омск». Евгений Евтушенко // Вечерний Омск. 1989. 17 января. С. 1.
3. Вечерний Новосибирск. 1987–1991.
4. Декреты Советской власти. В 18 т. Т. 1 (25.10.1917 – 16.03.1918). М., 1957. 626 с.; Т. 2 (17.03 – 10.07.1918). М., 1959. 686 с.; Т. 3 (11.07. – 09.11.1918). М., 1964. 665 с.
5. Докладная записка городского инженера Д.А. Вернера члену Омской городской управы А.И. Шкоде о выборе системы наименований улиц Омска от 20 февраля 1919 г. // Улицы города Омска: Справочник. 2-е изд. Омск, 2008. С. 172.
6. Докладная записка зав. дорожно-строительным подотделом Д.А. Вернера зав. коммунальным отделом Омского городского хозяйства о порядке наименования и переименования улиц города от 8 декабря 1919 г. // Улицы города Омска: Справочник. 2-е изд. Омск, 2008. С. 173.
7. Документы о наименовании и переименовании улиц города за 1973 год. На 43 листах. // ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 476.
8. Документы о наименовании и переименовании улиц города за 1974 год. На 8 листах. // ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 545.
9. Документы о наименовании и переименовании улиц города за 1975 год. На 69 листах. // ИАОО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 576.
10. Документы по административно-территориальному делению, присвоению имен героев-комсомольцев и других имен улицам города. 12 января 1973 г. 8 января 1974 г. // ИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 4097.
11. Записка Сталина Старостину по поводу присвоения имени Сталина метрополитену // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1472. Л. 34.

12. «Имени Сталина, имени Жданова» // Вечерний Омск. 1989. 1 апреля. С. 3–4.
13. Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М., 1939. 317 с.
14. Краткий философский словарь / Под редакцией М. Розенталя и П. Юдина. 4-е изд., доп. и испр. М., 1954. 703 с.
15. Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6. С. 1–192.
16. Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. 376 с.
17. «Много шума и ничего» // Омская правда. 1989. 9 августа. С. 3.
18. «Новое имя для старой улицы» // Вечерний Омск. 1989. 4 февраля. С. 3.
19. О порядке наименования и переименования краев, областей, районов, а также городов и других населенных пунктов, предприятий, учреждений и организаций (Из Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1964 г.) // Никонов В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М., 2011. С. 177.
20. О порядке присвоения имен городам, районам, селам и пр. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 877. Л. 2.
21. Постановление ЦК КПСС «Об отмене правовых актов, связанных с увековечиванием памяти А.А. Жданова» // Известия. 1989. 18 января. С. 1.
22. Протоколы с №1 по №19 заседаний омского отдела Всесоюзного географического общества за 1975 г. (69 л.) // ИАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 106.
23. Протоколы с №3 по №15 заседаний омского отдела Всесоюзного географического общества. 23 января 1977 – 23 декабря 1979 (69 л.) // ИАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 108.
24. Сталин И.В. Год великого перелома: к XII годовщине Октября // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 118–135.
25. Сталин И.В. Политика советской власти по национальному вопросу в России (1918) // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937. С. 58–64.
26. Столицу Казахстана переименовали в Нурсултан // Новые известия [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/news/world/20-03-2019/stolitsu-kazahstana-astanu-pereimenovali-v-nursultan> (дата обращения: 20.06.2019).

27. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г. «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. №28, ст. 662.
28. Цыпленков П. «Вернуть городу Ленинграду историческое название...». Воспоминания депутата // Возвращая Россию. Восстановление исторических названий, памятников и других утраченных культурных ценностей. СПб., 2013. С. 14–20.

Литература:

1. Андреев В.П. Российская топонимия XX века и политика: учебно-методическое пособие. Томск, 2005. 46 с.
2. Андреев В.П. Топонимика и идеология в Советской России (1917 – 1941) // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы II Всероссийской научно-практической Интернет-конференции. Вып. 2: в 2 кн. Кн. 1. Красноярск, 2006. С. 6–22.
3. Барандеев А.В. История географических названий: Русская топонимия в терминах. Учебное пособие. Изд. 3-е. М., 2012. 320 с.
4. Бранденбергер Д. Как Сталин переписал историю Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917 – 1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: Материалы Международной научной конференции (Москва, 1–3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 502–507.
5. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. 367 с.
6. Варнавский П.К. Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // Ab Imperio. 2004. №4. С. 239–262.
7. Веселовский С.Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки / Ин-т истории Акад. Наук СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 17 / отв. ред. Б.Д. Греков. 1945. С. 24–52.
8. Дахин А.В. Город как место памятования // Аналитика культурологии. 2011. №19. С. 164–172.
9. Жидченко А.В. Архитектурно-планировочный и топонимический ландшафт наукоградов 1950–1960-х гг. (по материалам институтской

- части Дубны и новосибирского Академгородка) // Баландинские чтения. 2013. Т. 8. №1. С. 26–35.
10. Жидченко А.В. Топонимический ландшафт нового района советского города как элемент курса на построение коммунизма (по материалам об омском городке Нефтяников) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12. №4. С. 54–58.
 11. Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России: социология, этнология. 1999. Т. 8. №4. С. 22–34.
 12. История названий томских улиц. Издание третье, дополненное. Томск, 2012. 368 с.
 13. Климкова Л.А. Российская топонимика и ее объект в аспекте динамики // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2018. Т. 25. С. 107–115.
 14. Липатов А.В. Сталинград – Волгоград: история переименования города-героя 10 ноября 1961 г. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. №10. С. 209–215.
 15. Лихачев Д.С. Исторические названия – наследие духовной культуры народа // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры». 17-20 апреля 1989 г.: Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1989. С. 3–4.
 16. Мазур Л.Н. История XX века в названиях населенных мест (по материалам Урала) // Уральский исторический вестник. 2011. №2 (31). С. 116–123.
 17. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. 855 с.
 18. Маслов В.Н. Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 12. С. 58–69.
 19. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Издательство «Мысль», 1974. 382 с.
 20. Мурзаев Э.М. Топонимика и география. М.: Наука, 1995. 304 с.
 21. Назарцева Т.М. Деятельность совета краеведения омского отделения фонда культуры (1988–1997) // Вестник Культуры. 2012. №2. С. 3.

22. Наумов С.С. Интеллигенция сибирского города и культурно-просветительные организации в 1985–1991 годах (На примере деятельности Советского фонда культуры) // Интеллигенция и мир. 2016. №2. С. 109–122.
23. Наумов С.С. Материалы личных фондов представителей интеллигенции Омска и Новосибирска как источник по изучению памяти о прошлом // Преподаватель XXI век. 2019. №1-2. С. 261–274.
24. Наумов С.С. Омское отделение Советского фонда культуры на рубеже 1980-х – 1990-х гг.: возрождение исторической памяти омичей // Вестник Культуры. 2012. №2. С. 5.
25. Нерознак В.П. Названия древнерусских городов / Отв. ред. акад. Д.С. Лихачев. М.: Наука, 1983. 208 с.
26. Никонов В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.
27. Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. 1072 с.
28. Паперный Вл. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 384 с.
29. Петров Д.В. На углу «3 июля» и «25 октября»: блокадный поворот топонимики // Топонимический альманах. 2015. №1. С. 2–15.
30. Поспелов Е.М. Географические названия Московской области: топонимический словарь. М., 2008. 600 с.
31. Поспелов Е.М. Географические названия России: топонимический словарь. М., 2008. 523 с.
32. Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917 – 1992): топонимический словарь. М., 1993. 250 с.
33. Пушкарева И.А. Стилистика региональной прессы: учеб. пособие / И.А. Пушкарева, И.А. Кусургашева; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та. Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2018. 207 с.
34. Ремнев А.В. Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века // *Ofiary imperium – Imperia jako ofiary: 44 spojrzzenia / Imperial Victims – Empires as Victims: 44 views.* Warszawa, 2010. S. 153–168.
35. Рыженко В.Г. Александр Покрышкин – «Парень из нашего города»: локальные варианты сохранения памяти о героях Великой

- Отечественной войны // Культурологические исследования в Сибири. 2011. №3. С. 62–69.
36. Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург–Омск, 2003. 370 с.
37. Рыженко В.Г. К истории одной акции по переименованию омских улиц // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Секция: История Омска и Омской области. Омск, 1991. С. 112–116.
38. Суни Р.Г. Сталин и сталинизм: власть и авторитет в Советском Союзе, 1930–1953 // Политическая наука современной России: Тенденции развития: Пробл.-темат. сб. М., 2000. №1. С. 32–48.
39. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 185 с.
40. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. 576 с.
41. Терентьев Е.А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник РУДН, серия Социология, 2014, №3. С. 73–86.
42. Топонимика: историческая память и пропаганда [Электронный ресурс]. URL: <https://istpamyat.ru/doklady/toponimika-istoricheskaya-pamyat-i-propaganda/> (дата обращения: 17.06.2019).
43. Улицы города Омска: Справочник. 2-е изд., испр. и доп. Омск, 2008. 280 с.
44. Фостова С.А. Городская топонимика Калининграда как элемент советской политики памяти (1945–1991 гг.) // Городская топонимика России как объект культурного наследия: история и судьбы топонимики городов и современные проблемы возвращения исторических названий: Мат-лы Всерос. краеведческой науч.-практ. конф. (Москва-Звенигород, Московская обл., 22-23 июня 2018 г.). М.: ИЦ «Краеведение», 2019. С. 156–165.
45. Фостова С.А. «Немецкий след» в топонимике и в городском пространстве Калининграда // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ: сборник материалов XI Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. 2015. С. 200–202.
46. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. 304 с.

47. Шульгина О.В. Историко-географический подход в изучении топонимики российских регионов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. 2016. №2 (22). С. 84–93.
48. Энциклопедия города Омска: в 3 т. Т. 1. От прошлого к настоящему. Омск, 2009. 920 с.
49. Энциклопедия города Омска: в 3 т. Т. 3. Омск в лицах. Кн. 1: А–К. Омск, 2011. 648 с.
50. Davit Sartania, Dali Nikolaishvili, Avtandil Ujmajuridze. Soviet Toponymy: The History and the Present. Earth Sciences. Special Issue: New Challenge for Geography: Landscape Dimensions of Sustainable Development. Vol. 6, No. 5-1, 2017, pp. 49-55.